

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Ю.А.КИМЕЛЕВ

**ФИЛОСОФИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2013**

ББК 60
К 40

Серия
«Проблемы философии»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел философии

Автор обзора –
д-р филос. наук, профессор *Ю.А. Кимелев*

Ответственный редактор –
канд. филос. наук *Г.В. Хлебников*

Кимелев Ю.А.

К 40

Философия социальных наук на рубеже XX–XXI вв.:

Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. Хлебников Г.В. – М., 2013. – 84 с. – (Сер.: Проблемы философии).

ISBN 978-5-248-00677-9

Работа посвящена анализу нынешнего состояния философии социальных наук – философской дисциплины, исследующей разнообразные формы отношений между философией и социальными науками. Значительное внимание уделяется трансформации в понимании предметной сферы социальных наук. Рассматриваются модификации в содержании и функциях ряда основополагающих социально-научных понятий, в том числе ключевого понятия «общество». Показывается, что эти изменения являются следствием новых процессов, существенно определяющих содержание социальной жизни современного общества.

Для ученых-исследователей, преподавателей вузов, аспирантов.

ББК 60

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава первая. Онтология социального как объектная сфера социально-научного познания	7
Глава вторая. Вопрос метода в философии социальных наук.....	42
Глава третья. Философия социальных наук как метатеория социально-научного познания	59
Заключение	79
Литература	81

ВВЕДЕНИЕ

Философия социальных наук в самом общем виде – это проблематизация и исследование отношений между философией и социальными науками¹.

Это принятое обозначение имеет широкое применение, поскольку философия социальных наук может выступать и в форме относительно автономной философской дисциплины; и в форме разработок соответствующей проблематики в контексте разнообразных по своей дисциплинарной принадлежности философских концепций; и в форме определенных сегментов или аспектов объектно-исследовательских или методологических теорий в социальных науках.

Таким образом, говоря о философии социальных наук, мы имеем дело и с философскими построениями в принятом смысле слова, и с определенными концептуализациями в рамках социальных наук. Такие концептуализации правомерно отнести к философии социальных наук, если они решают задачи, фактически относящиеся к ее сфере и по содержанию, и по уровню всеобщности рассмотрения.

Возможно выделение нескольких основных форм использования философии в целях социально-научного познания. Такие формы правомерно квалифицировать и как базовые задачи философии социальных наук. Эти задачи задают главные направления работы современной философии социальных наук.

Первый блок задач можно определить как «онтологический», второй включает различные варианты использования философии социальных наук в методологических целях, а третий – это

¹ Данную публикацию можно рассматривать как продолжение реализации исследовательского проекта автора, задачей которого является анализ состояния западной философии на рубеже XX–XXI вв. См.: 11 – 15.

собственно метатеоретическое исследование социально-научных теорий, когда философия социальных наук фактически осуществляет функцию философии науки или теории науки применительно к сфере социально-научного познания.

К объектной области философии социальных наук относятся, таким образом, усилия прояснить общий характер социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории, установить, какие категории феноменов наличествуют нередуцируемым образом в социальном мире («блок онтологических задач»). Другой блок задач ориентирован на то, чтобы определить, какой метод позволяет наиболее адекватным образом постичь функционирование социального мира. Третий ориентирован на решение комплекса метатеоретических проблем социально-научного знания, связанных с традиционным для теории науки стремлением установить статус теоретических построений социально-научного знания, прояснить, что обеспечивает и гарантирует правомочность притязаний на теоретическое знание об исследуемом социальном мире.

Конкретно речь идет о том, чтобы рассмотреть результаты работы различных разделов философии в совершенно определенной перспективе – перспективе выявления и осмысления тех компонентов этих результатов, которые могут быть использованы в целях социально-научного познания.

Каждая из этих проблемных областей многообразно пересекается с определенными разделами философии и соответствующими философскими дисциплинами. Философия социальных наук фактически берет на себя «посреднические» функции в отношениях между философией и социальными науками. Она как бы разворачивает различные разделы и дисциплины философии в их сторону. Разнообразные философские разработки рассматриваются в перспективе возможностей их использования в целях социально-научного познания, наделяются инструментальной функцией в отношении социальных наук. К примеру, то, что принято называть «онтологией социальных наук», задачей которой является общее «онтологическое» определение предметной сферы социальных наук, не может не взаимодействовать с философской онтологией вообще. Проблематика социальной агентности оказывается связанной в современной философии с философско-антропологической проблематикой, в том числе, к примеру, с проблематикой философии сознания и т.п. Вопросы метода сопрягаются с целым рядом компонентов философской эпистемологии.

Мы определили основные задачи, соответственно функции философии социальных наук – онтологическую, методологическую и метатеоретическую. Встает вопрос о связи между ними. При попытке установить такую связь мы будем ориентироваться в первую очередь на «онтологию социального».

Подчеркнем, что философские концептуализации социальной реальности осуществляются и функционируют и вне контекста социальных наук или без соотнесения с ними. Такие концептуализации относятся к философии социальных наук, если они тематизируются как «онтология социального для социальных наук».

В связи с этим особого внимания заслуживает отношение между философией социальных наук и социальной философией. Философия социальных наук, так же как и социальная философия, осуществляет концептуализации социальной реальности. В первую очередь это относится к концептуализациям онтологического порядка – общей характеристике социальной реальности, проблематике агентности. В такой объектной направленности философия социальных наук и социальная философия совпадают. Различие заключается в том, что первая осуществляет свои объектные концептуализации с учетом того, что речь идет об общем философском определении предметной сферы социальных наук. Социальная философия, естественно, работает безотносительно к тому, будут ли ее концептуализации тематизированы как предметная сфера социально-научного познания.

Вместе с тем если такая тематизация может быть реализована или тем более реализуется, то налицо совпадение обеих философских дисциплин. Точнее будет сказать, что социальная философия выступает в функции философии социальных наук. Фактически это означает подтверждение сказанному выше о том, что философия социальных наук необязательно должна носить форму только автономной философской дисциплины с таким названием.

Связь между онтологией социальных наук и «рассуждением о методе» проявляется в силу всегда наличной принципиальной корреляции между исследуемым объектом и исследовательской стратегией, которая реализуется в том числе и в используемом методическом оснащении. Соответственно, онтологически постулируемый общий характер социальной реальности задает некоторую общую рамку методологических построений. К примеру, если социальная реальность представляет собой когерентную или тем более систематическую целостность, то и теоретическое постижение этой реальности будет носить, скорее всего, холистский характер,

с использованием, в частности, дедуктивных объяснительных методов. Если же социальная реальность конституируется, причем, как иногда полагается, относительно свободным образом, то ее постижение будет носить индивидуалистский и индивидуалистско-групповой характер, появляются те или иные формы методологического индивидуализма.

Мы представили корреляцию между онтологией и методом в философии социальных наук в предельно схематизированном виде. В реальной исследовательской практике отношения между эксплицитными или имплицитными онтологическими полаганиями, с одной стороны, и собственно методико-исследовательскими процедурами – с другой, носят гораздо более дифференцированный и сложный характер.

Такая сложность исследовательской практики находит отражение и в том, каким образом философские размышления получают конкретизацию в дисциплинарных методологических разработках. Так, подход к объяснению, известный как модель покрывающего закона, а правило его применения известно как гипотетико-дедуктивный метод, стал объектом интенсивной разработки и осмысления как часть методологии исторического познания.

Вопросы, рассматриваемые философией социальных наук в ее метатеоретической функции, во многих отношениях совпадают, соответственно могут быть отнесены к области философии или теории науки, разумеется прежде всего к той ее части, что связана с социально-научным познанием. Связь между социальной онтологией и метатеоретической функцией философии социальных наук проявляется, прежде всего, в устремлении к экспликации онтологических предпосылок социально-научных теорий.

Глава первая

ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАК ОБЪЕКТНАЯ СФЕРА СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Социальная онтология разрабатывается в современной философии как относительно автономный раздел онтолого-метафизической проблематики, без эксплицитного соотнесения с социальными и гуманитарными науками. В то же время онтологические концептуализации социальной реальности объективно тематизируют предметную область социальных наук, объективно представ-

ляют собой наиболее общие предпосылки исследовательской практики социальных наук.

В такой ситуации философско-онтологические концептуализации социальной реальности выступают в качестве онтологического сегмента того, что принято называть «философией социальных наук». Разумеется, философско-онтологические концептуализации социальной реальности могут не только спонтанно-объективно служить социальным наукам, но и осознанным образом ориентироваться на тематизацию предметной сферы социальных наук, могут выполнять инструментальную функцию по отношению к социальным наукам (см. об этом: 15). «Разворот» таких концепций в сторону социальных наук, сочленение или интеграция в социально-научное познание осуществляется либо внутри самих социально-онтологических теорий, либо извне.

Онтологические теории социальной реальности могут выполнять целый ряд функций в отношении социальных наук. Они способны выступать как общая интерпретационная или объяснительная рамка социально-научных исследований; служить основой систематизации внутри той или социально-научной дисциплины или даже междисциплинарной систематизации. Эти функции философии социальных наук предполагают ту, что можно считать основной – функцию общего определения исследовательского поля для социальных наук.

Социальная онтология и как автономная философская теория, и как важнейший сегмент философии социальных наук стремится решить несколько онтологических задач. Укажем важнейшие из них. Первая задача – попытаться ответить на вопрос о возникновении, оформлении социальной реальности в единой реальности, соответственно ответить на вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной реальностью и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией – онтологической схемой, эпистемологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача – постичь фундаментальное строение социальной реальности, определить ее базисные элементы (которые могут постулироваться как объективный ориентир социально-научного познания). В качестве элементов фундаментального строения полагаются чаще всего институциональные структуры и человеческая агентность, индивидуальная и коллективная, как способность

человека создавать, поддерживать и изменять институциональные структуры.

Таким образом, решение задачи определить фундаментальное строение социальной реальности создает условия для решения третьей задачи социальной онтологии – указать главные источники социального изменения.

1.1. Итак, во всякой онтологии социального первостепенное значение имеют вопросы о месте социальной реальности в единой реальности, соответственно, вопросы о конституировании социальной реальности в рамках единой реальности. Эти вопросы предполагают общую онтологическую схематику.

Поэтому следует обратиться к тем работам, в которых, во-первых, разрабатывается общая онтологическая схема и, во-вторых, эксплицитно ставится задача указать место социальной реальности в этой схеме. Подобные работы немногочисленны.

Так, работа Ингвара Йогансона (50) относится к числу весьма редких в современной литературе, поскольку ставит цель разработать «когерентную систему всех наиболее абстрактных категорий», нужных для истинного описания мира. «Для лучшего понимания природы, человека и общества, а особенно отношений между ними, следует, – пишет И. Йогансон, – пересмотреть наши самые базисные категории... созрело время не только для модификации или возврата к какой-то категории, но и для создания новой категориальной системы» (50, с. 6). Вместе с тем И. Йогансон подчеркивает: «Важнейшая онтологическая проблема сегодня – как разместить общество в природе» (50, с. 5). Таким образом, одна из главных задач онтологии, по И. Йогансону, состоит в постижении реальных категорий, нужных для естественных и социальных наук.

Традиционные теории категорий, как считает И. Йогансон, можно классифицировать в соответствии с по меньшей мере двумя измерениями. Во-первых, они являются либо атомистскими, либо холистскими. Во-вторых, они либо содержат, либо не содержат категорию «субъект». Тезис онтологического атомизма – это утверждение о том, что факты в своем существовании не зависят друг от друга. Онтологический атомизм обычно сопровождается эпистемологическим тезисом, что постижение тотальности вторично по отношению к пониманию частей. Понимание тотальности равно суммарному постижению частей. Атомистская онтология принимает одни и не признает другие категории. Различные вещи мыслимы в различных онтологиях.

Наряду с оппозицией между атомистской и холистской онтологиями существует оппозиция между традициями, не допускающими где-либо в науке категорию субъекта, и теми, что полагают субъект в качестве основного специфического для социальных и гуманитарных наук объекта. С одной стороны, философы французского Просвещения, позитивизм XIX в., логический позитивизм, бихевиоризм и структурализм. С другой – философы-романтики, неокантианство, экзистенциализм и герменевтическая философия.

Свою теорию категорий И. Иогансон стремится рассматривать в качестве попытки преодолеть как традиционную оппозицию между атомизмом и холизмом, так и оппозицию между просубъектными и антисубъектными категориальными системами.

В этой теории совокупность категорий должна образовать «онтологическую систему». При разработке такой системы основная трудность заключается в объединении концептуализации природы, отождествляющей ее с «мертвой» материей, с идеей о том, что некоторые понятия, не соотносящиеся с понимаемой таким образом природой – например, понятия «действия» и «интенции», – все же соотносятся с чем-то, что обладает реальным существованием.

Разграничение между природой, человеком и обществом может быть осуществлено с помощью категории интенциональности. Соответственно, природа тождественна с неинтенциональной частью реальности. Интенциональность представляет собой наиболее важную для понимания человека категорию. Категория интенциональности является ключевой и для понимания общества. Ведь человек и общество немислимы друг без друга. «Существует только один способ объединить индивидов и общество, – утверждает И. Иогансон, – сделать это можно с помощью категории интенциональности, а также различных типов “угнездившейся” интенциональности» (50, с. 314).

«Угнездившаяся» интенциональность означает нерасторжимую связь в человеке между телом и интенциональностью, между биологической природой человека и его социальной природой. Материальное и интенциональное вообще сплетены воедино. Категория интенциональности при всем своем фундаментальном значении для существования человека и общества не должна пониматься идеалистически. Соответственно, вся система онтологических категорий призвана воплощать и выражать «не-редуктивный материализм». Единая реальность при ее концептуализации в свете «не-редуктивного материализма» включает «природную материю» и «общественную материю», природу и общество.

Представленная здесь концепция И. Иогансона выделяется полнотой разработки онтологической проблематики, как она представлена в современной аналитической философии. Мы ограничились реконструкцией тех моментов этой концепции, которые имеют непосредственное отношение к социальной онтологии.

Концепция И. Иогансона отражает основные характеристики традиции аналитической философии. В этой традиции онтологическая проблематика разрабатывается преимущественно с натуралистских, физикалистских и материалистических позиций тех или иных форм и оттенков. С этих позиций фактически рассматривается и интересующий нас здесь вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Предполагается, что ответ на этот вопрос должен быть так или иначе связан с указанием на то, каким образом в рамках единой физической реальности возникает и оформляется социальная реальность. Сказанное можно в полной мере отнести и к рассматриваемой далее социально-онтологической концепции Джона Сёрля.

В последние годы значительный интерес вызывает проект Джона Сёрля, преследующий цель разработать «общую теорию социальной онтологии». Дж. Сёрль считает, что есть нужда в новой области философии, которую можно было бы назвать «философией общества», подобно тому как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др. изобрели философию языка в конце XIX – начале XX в.

Дж. Сёрль исходит из того, что поскольку мы живем в одном мире, то должны быть в состоянии точно объяснить, как различные части относятся друг к другу в когерентном целом. В своих работах Дж. Сёрль стремится объяснить, каким образом функционируют ментальность (*mind*), язык и социальная реальность и каким образом они образуют когерентное целое. Следует показать, что мы живем в одном мире, а не в двух или трех – физическом, ментальном и культурном.

Реальность состоит из физических частиц и силовых полей. Частицы обычно организуются в более крупные системы. На нашей планете некоторые системы представляют собой живые системы, являющиеся членами видов, которые возникли в долговременном эволюционном процессе. Некоторые из таких живых систем являются животными, а некоторые животные обладают нервными системами, способными порождать и поддерживать сознание. Обычно обладающие сознанием животные обладают и интенциональностью.

Вид, члены которого способны к обладанию сознанием и интенциональностью, может продвигаться к коллективной интенциональности. С приобретением коллективной интенциональности вид автоматически приобретает социальные факты и социальную реальность.

Сознание и интенциональность представляют собой существующие независимо от наблюдателя «реальные части реального мира». В то же время обладающие сознанием и интенциональностью живые существа приобретают способность создавать феномены, зависящие от них. К числу подобных феноменов относятся функции. Многие виды обладают способностью наделять те или иные объекты теми или иными функциями. Однако только люди обладают способностью наделять какие-то объекты статусными функциями и тем самым обладают способностью создавать «институциональные факты». Таков общий контур социально-онтологической концепции Дж. Сёрля, разрабатываемой им на протяжении нескольких десятилетий.

Итоговый результат усилий Дж. Сёрля по разработке социальной онтологии представлен в последней его книге «Создавая социальный мир» (). Книга преследует цель объяснить фундаментальную природу и способ существования – то, что философы называют сущностью и онтологией, – «человеческой социальной институциональной реальностью». Предпринимается попытка объяснить роль языка в создании, конституировании и поддержании социальной реальности.

Работа опирается на определенную методологическую посылку. Человеческое общество, как общество, отличающееся от других животных обществ, базируется на некоторых весьма простых принципах. Более того, институциональные структуры базируются, если быть точным, на одном принципе. В высшей степени сложные образования человеческого общества – это различные поверхностные манифестации чего-то общего, лежащего в их основе. Речь идет о поиске единого механизма продуцирования институциональных фактов. Мы используем один формальный лингвистический механизм. Он применяется вновь и вновь с различными содержаниями.

Все человеческие социальные институты начинают существовать и сохраняют свое существование посредством одной лингвистической операции, которую можно применять повторно сколько угодно. Речь идет о том, в каком смысле язык конституи-

рует институциональную реальность и в каком смысле все человеческие институты являются по существу лингвистическими.

Отметим, что практически вся социально-онтологическая концепция Дж. Сёрля представляет собой развернутую экспликацию этого базисного тезиса. Отличительным свойством человеческой социальной реальности является способность наделять функциями объекты и людей в тех случаях, когда объекты и люди не в состоянии выполнять эти функции только в силу своей физической структуры. Выполнение подобной функции требует, чтобы был коллективно признаваемый статус, и только в силу такого статуса объект или человек способен выполнять функцию, о которой идет речь.

Для того чтобы статусные функции действительно работали, должно быть коллективное *принятие* или *признание* за объектом или человеком такого статуса. (Признание не означает «одобрение».)

Статусные функции зависят от коллективной интенциональности. И люди, и некоторые животные способны к кооперации. Только в силу коллективного признания лист бумаги становится денежным знаком.

Статусные функции, существующие в силу коллективной интенциональности, обладают «деонтическими силами». Они несут права, обязательства и т.п. Позитивные, негативные и – логически – условные, дизъюнктивные.

Деонтические силы обладают уникальным свойством, вероятно не известным в животном царстве: как только они получают признание, они снабжают нас причинами действовать, которые независимы от наших склонностей и желаний. Статусные функции – клей, скрепляющий общество. Они создаются коллективной интенциональностью и функционируют, неся деонтические силы.

Есть регулятивные правила (делай то-то) и конститутивные. Конститутивные – «X считается Y в контексте C». Статусные функции вызываются к существованию посредством конститутивных правил. Это же правило относится к самому фундаментальному институту из всех – языку.

Институт – это система конститутивных правил, и такая система автоматически создает возможность институциональных фактов. Все институциональные факты и поэтому все статусные функции создаются речевыми актами – «Декларациями». Некоторые речевые акты функционируют с целью представить, как вещи суть в мире. Декларативные речевые акты изменяют мир, декларируя, что какое-то положение дел существует и тем самым вызы-

вает это состояние дел к существованию. За исключением самого языка вся институциональная реальность и в известном смысле вся цивилизация создается речевыми актами, обладающими той же логической формой, что и декларации, – «Декларациями статусных функций». Конститутивные правила формы «X считается Y в С» – это постоянные декларации.

Поскольку человеческая социальная онтология создается ментальностью, то следует обратиться к тому свойству ментальности, которое создает анализируемую реальность. Следует обратиться к интенциональности.

Это удовлетворяет и базисное требование показать, каким образом более высокий уровень феноменов ментальности и общества зависит от более низкого уровня феноменов физики и биологии. Биология зависит от физики. Нейробиология – область биологии. Сознание и интенциональность опричиниваются и реализуются в нейробиологии. Коллективная интенциональность – это тип интенциональности, и общество создается коллективной интенциональностью.

Обратиться к интенциональности следует потому, что для понимания общества нужно понимать коллективное человеческое поведение. Коллективное человеческое поведение – манифестация коллективной интенциональности, а для ее понимания следует понять индивидуальную интенциональность.

Конечно, для понимания всего этого мы должны понимать сознание, а глубокое понимание сознания требует понимать, каким образом сознание опричинивается мозговыми процессами и каким образом оно реализуется в структурах мозга. В настоящее время никто не знает ответов на эти вопросы, отмечает Сёрль.

Есть отношение, идущее сверху вниз, между языком и институциональными фактами: нельзя иметь институциональные факты без языка. Как только есть общий язык, можно по своему усмотрению создавать институциональные факты. Вместе с тем есть и отношение, идущее снизу вверх, поскольку как только есть язык, неизбежно появятся нелингвистические институциональные факты.

«Мы обладаем способностью создавать реальность, репрезентируя ее как существующую. Единственная реальность, которую мы в состоянии создать подобным образом, – это реальность деонтологии. Это реальность, которая наделяет правами, обязанностями и т.п. Вместе с тем речь не идет о тривиальном достижении, поскольку эти права, обязательства и т.д. – это клей, который держит человеческое общество» (69, с. 89), – делает вывод Дж. Сёрль.

Социальная и институциональная реальность является объективной реальностью только потому, что мы считаем ее таковой. Коллективное наделение статусными функциями правительств, денег, национальных государств, университетов и т.д., а главное, долгосрочное принятие и признание этих статусных функций за всеми этими институтами заставляет их казаться столь же прочными, как скалы.

Как только происходит отказ от коллективного принятия, институты могут претерпеть неожиданный и даже мгновенный коллапс. Пока же институты как социально созданные механизмы существуют, они обладают каузальной силой, что может служить самым общим объяснением социальной реальности.

С точки зрения нашей работы значительный интерес представляет не только непосредственное содержание социально-онтологической концепции Дж. Сёрля, но и его отношение к вопросу о дисциплинарной специфике социальной онтологии. Точнее, речь идет о двух вопросах. Первый вопрос связан со специальным дисциплинарным обозначением философской социальной онтологии. Вторым – это вопрос об отношении философской социальной онтологии к социальным наукам.

Разработка социальной онтологии могла бы стать делом новой философской дисциплины – «философии общества». Ссылка на ненужность этой новой философской дисциплины ввиду существования такой признанной философской дисциплины, как «социальная философия», Дж. Сёрлю не кажется обоснованной. Ведь эта старая дисциплина представляет собой либо философию социальной науки, либо продолжение политической философии. Предлагаемая «философия общества» будет носить более фундаментальный характер, поскольку будет заниматься «изучением самой природы человеческого общества», т.е. способа существования социальных сущностей, таких, как правительства, семьи, летние отпуска, профсоюзы и т.д. Таков ответ на первый вопрос.

В связи со вторым вопросом отметим, что, несмотря на то что книга Дж. Сёрля, по его собственному признанию, не задумана как работа, посвященная специально «философии существующих социальных наук», он делает несколько важных выводов, непосредственно относящихся к ее сфере.

Прежде всего он предлагает предположить, что верна его теоретическая позиция, согласно которой человеческое общество конституируется главным образом особыми институциональными структурами, которые создают и распространяют деонтические

властные отношения посредством наделения институтов людей статусными функциями, а людей – социальными ролями в обществе. Соответственно, «каковы импликации такого объяснения для исследований, осуществляемых в социальных науках?» (69, с. 200).

Невозможно заранее сказать о том, что может оказаться полезным для социально-научной исследовательской работы. Существуют многие области такой работы, где фактически, по меньшей мере на первый взгляд, не требуется понимание фундаментальных основополагающих вопросов, знание деталей социальной онтологии. Вместе с тем Дж. Сёрль убежден, что понимание базисной онтологии всякой дисциплины углубляет понимание того, что изучает данная дисциплина. Соответственно, он стремится предложить «логический анализ фундаментальной онтологии тех сущностей, которые изучают социальные науки».

Далее, если верно, что вся человеческая социально-институциональная реальность обладает определенной лежащей в ее основе общей структурой, то ошибочно рассматривать различные социальные науки, например социологию и экономику, как обладающие фундаментально различными предметными областями. Различные социальные науки должны быть полностью прозрачными друг для друга.

Полное понимание онтологии объектов, изучаемых социальными науками, требует понимания той властной структуры, общей для всей социальной реальности, требует понимания базисных механизмов, порождающих и поддерживающих эту властную структуру, заключает Дж. Сёрль. Отметим, что «властная структура» понимается так, как она представлена в его социально-онтологической концепции.

Если попытаться сжато реконструировать основной теоретический ход Дж. Сёрля при разработке «онтологии социального и институционального», то его можно представить в следующем виде. Существование социальной институциональной реальности связано с тремя факторами – коллективной интенциональностью, наделением чего-либо какой-то функцией и конституирующими правилами. Соответственно, факторами, выраженными этими понятиями, возможно, по мнению Дж. Сёрля, объяснить «всякую институциональную реальность».

1.2. Социально-онтологическая проблематика в философии предстает не только как проблематика возникновения и конституирования, но и как проблематика фундаментального строения и функционирования социальной реальности. В настоящее время

рассмотрение этой проблематики осуществляется чаще всего через полагание в качестве базисных структурных элементов институциональных структур и агентности человека, т.е. его способности к социальному действию, а также через определение отношений между такими базисными элементами. Анализ отношений между социальными структурами и социальной агентностью, индивидуальной и коллективной, осуществляемый на весьма абстрактном уровне, есть продолжение онтологического анализа социальной реальности.

В социально-онтологической перспективе в центре внимания неизбежно должен находиться человек как создатель и ключевое функциональное звено социальной реальности как таковой.

Наше рассмотрение проблематики отношений между социально-институциональными структурами и действующим индивидом членился следующим образом. Прежде всего мы представим весьма репрезентативную и влиятельную философскую и социально-научную типологию отношений между социальными структурами и агентностью; затем будет рассмотрена проблематика социального субъекта; в завершение будет представлен образец социально-проективной и футуристической версии философской литературы. Все это позволит составить достаточно полное представление о разработке важнейшего сегмента социально-онтологической проблематики в современной философии.

1.2.1. Некоторые социологи считают, что вся история социологии – это история постоянного столкновения двух фундаментально противоположных подходов к исследованию социальной реальности. Один из них представляет собой построение социологической теории как «социологии социального действия», другой – как «социологию социальной системы». «Социология социальной системы» постигает человека как существо, открытое миру, способное, в отличие от животного, к многообразным способам поведения. Поэтому человек нуждается в институциональном контроле для того, чтобы своими действиями он не нарушал социальный порядок и не разрушал общество. «Социология социального действия» воспринимает открытость человека миру как его достоинство, открывающее широкие возможности действия и оформления мира, а не как недостаток.

При этом для многих очевидно, что «социологию социальной системы» и «социологию социального действия» целесообразно рассматривать и использовать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реаль-

ности. Адекватное социологическое понимание возможно только при комбинированном использовании обоих указанных подходов. Более того, следует говорить о необходимости такого взаимодействия. Именно на решение этой проблемы и направляются усилия социологической теории.

Действительно, многие разновидности современной теоретической социологии ориентированы на концептуализацию двустороннего характера социальной реальности, в которой человек предстает и как создатель, и как создание этой реальности. Люди конструируют ее своими действиями и в то же время испытывают те ограничения, порой весьма суровые и жесткие, которые она налагает на их жизнь.

Двустороннее отношение между социальным действием и социальной структурой – это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообуславливающее взаимодействие сторон отношения.

Мы предприняли попытку охарактеризовать преобладающий в современной социологии подход к проблематике социальной агентности, соответственно к проблематике отношений между социальным действием и социальными институциональными структурами. Разумеется, такой подход представлен в различных формах. Достаточно упомянуть теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса (10; 13; 14), теорию структуризации Э. Гидденса (12; 16), позицию П. Бурдьё и других представителей современной европейской социологии.

В американской социологии последних десятилетий проблематика отношений между социальными структурами и агентностью в основном носит форму «дискуссии микро–макро». В этой дискуссии заметное место занимает структурно-функционалистская парадигма, с которой так или иначе соотносятся и приверженцы других теоретических позиций.

В связи с этим обратимся к работе американского социолога Джеффри Александера и немецкого социолога Бернгарда Гизена, которая представляет собой обширную вводную статью к сборнику, посвященному указанной дискуссии (28). В этой работе особый интерес представляет типология, при разработке которой авторы учитывали очень широкий спектр позиций, не ограничиваясь только материалами указанного сборника. Кроме того, имеет смысл рассмотреть и предлагаемый Дж. Александером и Б. Гизеном анализ отношения к соответствующей проблематике классиков социологии.

Дж. Александер и Б. Гизен указывают, что видят свою задачу в том, чтобы представить историческую и теоретическую перспективу, в которой можно рассматривать работы, образующие часть «той дискуссии, которая предстала как ключевой момент современной социологической теории» (28, с. 1). Дж. Александер и Б. Гизен подчеркивают, что «проблема микро–макро выходит за рамки границ парадигм и поэтому способствует сотрудничеству различных теоретических традиций, а также интеграции дисциплины» (28, с. 1).

Прежде всего Дж. Александер и Б. Гизен отмечают, что «дихотомию микро–макро» не следует отождествлять с какими-либо конкретными дихотомиями, такими, как «индивид против общества» или «действие против порядка». Данную дихотомию следует рассматривать как «аналитическое различие».

Дихотомия микро–макро восходит к политической сфере, восходит к спору об отношениях между конституциями и божественными правами королей, а также к спорам о том, должна ли нация служить первичной основой политической лояльности по отношению к сообществам, образуемым индивидами.

В конце XIX – начале XX в., отмечают Дж. Александер и Б. Гизен, философские дихотомии стали воспроизводиться в основополагающих утверждениях социологической теории как более эмпирической форме дискурса. Какой бы общей и абстрактной ни была социология, она стремится, в отличие от философии, быть эмпирической наукой. В социологической теории неэмпирические устремления становятся лишь имплицитными компонентами, становятся «предпосылками» социологического рассуждения.

С самого начала К. Маркс понимал актора не в индивидуалистском ключе, поэтому нельзя говорить о фокусировании на микроуровне. «Практика», о которой говорится в его ранних произведениях, представляет собой форму межличностной коммуникации, которая получает критический заряд, поскольку апеллирует к универалистским системам верований.

Блестящее эмпирическое осмысление инструментального действия, а также того, каким образом макроструктуры налагают на него ограничения, сделали марксизм парадигмой для всякой социологической теории, которая стремится отдать предпочтение макроанализу, а не микроанализу. Такой структурный акцент создал серьезные проблемы для западного неомарксизма, предпринимавшего попытки восстановить в критической теории центральное положение сознания.

Классическая альтернатива подобному структуралистскому подходу была предложена Э. Дюркгеймом, который с самого начала стремился сочетать внимание к обществу с приверженностью индивиду.

Американский прагматизм развивался как прямая противоположность трансцендентального идеализма в его кантианских и гегельянских формах, а также представлял собой, по крайней мере у У. Джеймса, реакцию на реализм во всякой форме.

Индивидуальный опыт в соответствии с прагматистской перспективой является источником идей, а смысл возникает из интеракции, а не наоборот. Творчество Дж. Мида является наиболее значимой трансляцией прагматистской философии в социологическую теорию. Дж. Мид уподоблял общество игре. Ход каждого актора осуществляется в ответ на действия другого, его нельзя рассматривать как продукт какой-то априорной коллективистской силы. В условиях контингентности таких игровых ситуаций действия и ответы становятся главным источником оформления социального порядка. При таком подходе теория Дж. Мида становится микросоциологией, лишенной макрореферента. Действительно, Дж. Мид не писал почти ничего об институциональных процессах или внутренней конституции культурных систем.

Вместе с тем, несмотря на то что игры контингентны и реализуются через ответные реакции, всякое намерение и всякое понимание фильтруются упорядоченными ожиданиями, образующими правила. Актеры у Дж. Мида интерпретируют реальность через соотнесение с социальными стандартами, а сама идея стандартов предполагает какие-то регулярности в межличностных отношениях. Творчество Дж. Мида, таким образом, предлагает микроанализ, открытый более коллективистским устремлениям, во многом подобно тому, как теория Э. Дюркгейма содержала макроперспективу, открытую по отношению к индивиду. Подобно тому как у Э. Дюркгейма полностью отсутствует социальная психология, у Дж. Мида отсутствует теория институтов. Ни один из последователей Дж. Мида не оказался в состоянии разглядеть в его микроанализе связь с коллективным. Именно опыт, а не индивидуально опосредованная структура, стал отличительным признаком интеракционистского микроанализа, отмечают Дж. Александер и Б. Гизен.

Сходные проблемы возникали и в связи с еще одним видом микроанализа, рассматриваемого в субъективистском ключе. Психологическая теория общества не только отрицала, что группы и коллективные образования выполняют какую-то необходимую

функцию, но и связывала само существование этих последних с индивидуальной фантазией и патологией. Группы и коллективные образования воспринимались психоаналитической теорией как искажения реальности, которые могут быть устранены, если индивиды станут более рациональными. В соответствии с таким теоретическим подходом все коллективные явления – войны, революции, институты, культурная жизнь – должны объясняться как проявления индивидуальных личностей. Такой редукционистский эпифеноменализм обусловил радикальное фокусирование на микроуровне, присущее вплоть до наших дней социальной науке, связанной с психоанализом. Речь идет, по существу, об определенной институциональной теории, посылки которой, по мнению Дж. Александера и Б. Гизена, прямо противоположны тем предпосылкам, из которых исходила клиническая теория самого З. Фрейда.

Теория рационального действия является столь же инструменталистской, как и теория К. Маркса, однако отличается от этой последней тем, что носит «агрессивно индивидуалистский» характер. По меньшей мере три традиции оказались источниками рационалистской версии микротеории. Наиболее важную роль для современной версии сыграл бихевиоризм, «психология без сознания» (Дж. Уотсон), подкрепленная экспериментами И.П. Павлова.

В истории социологии ориентация на микро-, утверждавшаяся бихевиоризмом и теорией рационального выбора, получила мощную поддержку со стороны социологии Г. Зиммеля.

Рассмотрение того, как философские дебаты относительно индивида и общества транслировались в классическую социологию, резюмируют Дж. Александер и Б. Гизен, указывает на то, что с самого начала социологическая мысль предлагала ориентацию на более синтетическую, менее антагонистическую концептуализацию отношений между индивидом и обществом. С одной стороны, это было связано с вниманием к «обществу» в плане отношений между индивидуальным и коллективным поведением. С другой – отчетливая эмпиристская ориентация новой дисциплины принуждала даже макротеоретиков К. Маркса и Э. Дюркгейма стремиться увязывать коллективные силы с наблюдаемыми действующими индивидами. Приверженность социологов коллективным или групповым силам не означала отрицание существования действующих индивидов в онтологическом смысле. Индивидуальный микропроцесс играет решающую роль в поддержании макропорядка.

Анализ проблематики отношений между агентностью и социальными институтами, анализ отношений микро–макро служит

в работе Дж. Александера и Б. Гизена прологом к анализу этой проблематики в современной социологии. Этот анализ принимает форму разработки типологии указанных отношений.

В вопросе об отношении микро–макро можно выделить по меньшей мере пять основных позиций. 1) Рациональные, способные полагать цели индивиды создают общество. 2) Интерпретирующие индивиды создают общество посредством контингентных актов свободы. 3) Социализированные индивиды как коллективная сила воссоздают общество посредством контингентных актов свободы. 4) Социализированные индивиды воспроизводят общество, транслируя существующий социальный порядок в микросферу. 5) Рациональные целеполагающие индивиды подчиняются обществу, поскольку принуждаются к этому внешним социальным контролем.

Представим предложенную типологию в развернутом виде. Можно занять коллективистскую позицию, в соответствии с которой отрицается первостепенная ответственность индивидов и, соответственно, отрицается первостепенная важность фокусирования на микро. Такая позиция в воззрениях на порядок может сочетаться с одним из двух различных способов понимания действия: инструментально-объективным или интерпретативно-субъективным (субъективистским). Коллективистская позиция в отношении порядка, опирающаяся на объективистский подход к действию, отрицает какое-либо эмпирическое значение субъективных восприятий порядка. Она ведет борьбу против фокусирования на микро, или индивидуальном уровне. (Это выбор 5.)

Коллективистская теория, опирающаяся на интерпретативный подход, напротив, наделяет центральным значением субъективное восприятие, но вместе с тем утверждает, что содержание такого восприятия располагается за пределами контингентности индивидуальных актов. Личности и интеракция воспринимаются как главная «конвейерная линия» коллективных фактов.

Если индивидуальная субъективность понимается как простое воспроизведение, то перед нами выбор 4. Если же субъективная коллективистская теория наделяет микроуровень аналитической автономией, т.е. признает, что социализированный индивид осуществляет воссоздание в процессе воспроизводства, то мы имеем дело с выбором 3.

Для теоретических позиций, делающих упор на полной контингентности социального действия, даже «аналитическая автономия» недостаточна. Микро отождествляется с индивидом, а он рассматривается как первичный источник социального порядка.

Вместе с тем индивидуалистские концептуализации социального порядка, точно так же, как коллективистские, связаны с различными способами понимания действия.

Мы эксплицировали здесь весьма полную типологию отношений между институциональными структурами и агентностью, разработанную в теоретической социологии. Разработка этой проблематики в философии являет, вместе с тем, определенную специфику. Если говорить очень коротко, специфика эта связана, как мы увидим, с более дифференцированным вниманием к *субъектности*.

1.2.2. В истории философии представлен весьма широкий спектр концептуализаций отношения социального агента с социально-историческими структурами. Полюсами этого спектра можно считать утверждение о свободной конститутивно-созидательной функции по отношению к социально-историческим структурам, с одной стороны, и утверждение о полном подчинении им – с другой.

И в современной философии воспроизводятся основные позиции указанного спектра. Конечно, они представлены новыми концептуализациями.

В настоящее время при рассмотрении агентности агентность как способность просто поддерживать и воспроизводить институциональные структуры как основу социального порядка не находится в центре внимания. В конце концов весь исторический опыт человечества так или иначе свидетельствует о такой способности. В новейшей философской литературе обсуждаются в основном вопросы о способности или неспособности человека к свободному самоопределению в своем социальном действии и существовании. В таком своем качестве, в своей волевой и целеполагающей природе агентность противопоставляется социально-теоретическим позициям, утверждающим примат факторов, принципиальным образом ограничивающих или детерминирующих человеческое действие.

Таким образом, речь идет прежде всего о социальной агентности как способности человека создавать и изменять социальный порядок, в том числе базовые институциональные структуры. Индивид как субъект социального действия предстает как создатель социального порядка, а в философии истории – и как создатель истории.

Такая теоретическая позиция может получать полноту и завершенность, если агентность человека понимается как потенциал человека конституировать свою социально-историческую жизнь *сознательно проектируемым и направляемым образом*. Агентность становится субъектностью в полном смысле, социальное действие

приобретает характер сознательной социальной субъектности. Такая субъектность может и должна получать коллективное проявление, становясь интересубъективностью соответствующего порядка. Представленную здесь позицию можно считать последовательной субъектной формой социальной агентности.

В целом такая идея социального субъекта предполагает социальную зрелость индивидов; их свободную самореализацию, а также формирование разумных общественных отношений и как продукта действующих зрелым образом людей, и как предпосылки осуществления собственного права и воли человека.

Субъект как ответственный агент предстает как наделенный определенной устойчивой самопреемственностью, принимающий взвешенные и обдуманые решения. Эти решения должны быть ориентиром и целью действий, а сами действия в своей совокупности должны служить реализации определенного проекта, задающего смысл практической жизни. В идеале жизненный проект призван стать средством реализации определенной идеи. Речь идет об идее как организующем принципе, источнике энергии и мобилизации, ключе к интерпретации жизни и социальных отношений, видении мира, организации знания и жизненной практики. В общем это руководство, позволяющее ориентироваться в реальности и формировать ее.

Отметим следующее. Такая концептуализация социальной агентности, такая социальная субъектность еще только должна получить реальное воплощение. Первым условием созидания желательной социальной реальности должно прежде всего стать оформление интересубъективного процесса, в котором индивидуальная субъектная агентность будет постоянно трансформироваться в коллективную агентность, в коллективную инстанцию конституирования желательной социальной реальности. Далее, для того чтобы социальная реальность стала благом, годным к использованию, стала способствующим выживанию и благосостоянию социальным миром, требуются свершения, направленные на его практическое изменение – техническое и морально-политическое. Благой мир должен быть еще создан посредством субъектных, точнее, интересубъективных усилий всего общества. Так возникает представление об обществе, конституирующем и созидающем себя. А для реализации субъектно-интерсубъективного проекта лучшего, более человеческого общества требуется объемная социальная теория, способная указать объективные условия процессуального самопорождения общества.

В современной философии и социальной теории к такой «субъектной» модели социальной агентности наиболее близка социально-философская концепция Юргена Хабермаса. В соответствии с этой концепцией человеческий род как модерновое самоконституирующееся мировое общество рассматривает свои исторические предпосылки как материал, которым можно распоряжаться. Оно при этом зависимо только от внешней природы и определяется природой человеческих потребностей, «организмом трудящегося человека»¹.

Проблематика исторического действия индивидуального исторического субъекта в современной социально-философской и философско-исторической мысли чаще всего моделируется в соотношении с практической и теоретической ситуацией, которая характеризуется как «модерн». Соответственно, эту проблематику применительно к современной теоретической ситуации можно определить как «модерн и субъект».

Оформление «идеи субъекта» как субъекта социального действия было нерасторжимо связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна. Это нашло свое отражение в теоретической мысли эпохи модерна, в том числе в философии и социологии. Сама мысль модерна есть в той или иной форме размышление о социальном субъекте и субъективности.

В современных разработках, концентрирующихся на проблематике модерна, на передний план выходит индивидуальное социальное действие, а не действие человечества как родового субъекта. Индивид предстает как «субъект», и анализ фокусируется – в интересующей нас перспективе – на выявлении потенциала социальной субъектности.

Понятно, что современные исследования «модерна», «радикального модерна», «постмодерна» сосредоточиваются в первую очередь на современной социальной ситуации, а соотношение с прошлым выполняет в основном инструментальную функцию по отношению к главному объекту исследования – современности.

Мы обратимся к рассмотрению тех концепций, в которых не только признается существование субъекта эпохи модерна – это признается в той или иной форме и теми, кто провозглашает его конец, – но и утверждается необходимость его сохранения и, более того, всемерной реализации его потенциала. В этих концепциях, с одной стороны, теоретически фиксируются реальные условия су-

¹ *Habermas J. Erkenntnis und Interesse. – Fr. a. M., 1973. – S. 380.*

существования субъекта эпохи модерна, а с другой – субъект эпохи модерна предстает как лишь отчасти реализованная возможность, как возможность, которая еще подлежит полной реализации.

Именно в таком ключе мы попытаемся реконструировать социально-философские концепции Юргена Хабермаса и Алена Турена.

Общая теория модерна разрабатывается Юргеном Хабермасом в теоретической соотнесенности с концепциями Т. Парсонса, М. Вебера, К. Маркса, Г. Лукача, Т. Адорно, М. Хоркхаймера. Ю. Хабермас (45; 46) особо подчеркивает значимость двух тезисов. Во-первых, расчленение «системы» и «жизненного мира» является необходимым условием для перехода от статусно-стратифицированных обществ европейского феодализма к экономическим классовым обществам раннего модерна. При этом система представляет собой формально организованные сферы действия в области экономики и политики (хозяйство и государство), а жизненный мир структурируется коммуникативно как частная и общественная сфера. Во-вторых, капиталистический образец модернизации характеризуется тем, что символические структуры жизненного мира под воздействием императивов подсистем хозяйства и государства, становящихся самостоятельными через такие символические средства обмена, как деньги и власть, искажаются или овеществляются. Капиталистическая рационализация через сферы экономики и государства проникает и в другие, коммуникативно-структурированные сферы, приобретая здесь преимущество за счет морально-практической и эстетико-практической рациональности и вследствие этого вызывает нарушения в символическом воспроизводстве жизненного мира.

Уточним взаимоотношения между системой и жизненным миром в современных условиях, как это видится Хабермасу. Капитализм и современное государственное устройство предстают как подсистемы, которые с помощью таких средств, как деньги и власть, вычлняются из системы институтов, т.е. из «общественного компонента жизненного мира». Жизненный мир реагирует на это своеобразным способом. В буржуазном обществе формируются социально интегрированные сферы действия, противостоящие системно интегрированным сферам хозяйства и государства. Речь идет о взаимодополняющих друг друга сферах приватности и общественности. Институциональное ядро приватной сферы образует малая семья, освобожденная от хозяйственных функций и специализирующаяся на задачах социализации. Институциональное ядро

общественности – это коммуникационные сети, которые поддерживаются культурой с ее учреждениями, прессой, а позднее и средствами массовой информации.

Если монетаризация и бюрократизация, присущие хозяйственной и государственной сферам, проникают и в символическое воспроизводство жизненного мира, а не только в его материальное воспроизводство, то неизбежно возникают патологические побочные следствия.

Хозяйственная подсистема подчиняет себе «жизненную форму частного дома», навязывает потребителям свои императивы. Это обуславливает консумизм, собственнический индивидуализм, установки на достижение и конкуренцию. Повседневная коммуникативная практика подвергается односторонней рационализации в пользу утилитаристского жизненного стиля, которому привержены специалисты.

Подобно тому как частная сфера подчиняется хозяйству, так и сфера общественной попадает под господство административной системы. Бюрократическое овладение процессами формирования общественного мнения и волеизъявления расширяет возможности целенаправленного формирования массовой лояльности.

Рационализация жизненного мира делает возможным вычленение самостоятельных подсистем и в то же время открывает «утопический горизонт» буржуазного общества, в котором формально организованные сферы действия (экономика и государственный аппарат) образуют основу для посттрадиционного жизненного мира человека (сфера частности) и гражданина (сфера общественной).

«Процессы понимания, на которые центрируется жизненный мир, обуславливают потребность в культурной традиции во всем ее объеме» (46, с. 483). В повседневной коммуникативной практике когнитивные толкования, моральные ожидания, способы выражения и оценки должны образовывать рациональную связь. Коммуникативная инфраструктура такого рода подвергается угрозе с двух сторон: ей угрожают тенденции «системно индуцированного овеществления» и «культурного обеднения».

Отчленение подсистем, управляемых деньгами и властью с их организационными формами, от жизненного мира не ведет само по себе к односторонней рационализации или овеществлению повседневной коммуникативной практики. К этому приводит проникновение форм экономической и административной рациональности в те сферы действия, которые противятся переориентации на

деньги и власть, поскольку остаются специализированно связанными с культурной традицией, социальной интеграцией, воспитанием, а также остаются ориентированными на взаимопонимание как механизм координации действия.

Если мы хотим объяснить патологии, проявляющиеся, по мнению Хабермаса, прежде всего в утрате смысла и свободы, то следует указать на неудержимую собственную динамику подсистем, управляемых деньгами и властью, которая означает одновременно колонизацию жизненного мира с присущим этому процессу ограничением возможностей науки, морали и искусства.

Предметом нынешней критической теории общества, наиболее влиятельным представителем которой можно считать Ю. Хабермаса, является возникающее через системы патологии жизненного мира или, выражаясь иначе, символическое воспроизводство в постлиберальных обществах. Тем самым реализуется критерий современной теории общества, т.е. теории, ориентированной на Просвещение.

Критическое отношение к реальности развитых обществ обусловлено тем, что они не используют в полной мере тот потенциал научения, которым располагают в культурном отношении, а также тем, что эти общества демонстрируют «неуправляемое возрастание сложности». Возрастающая сложность системы, выступая как некая природная сила, не только крушит традиционные формы жизни, но и вторгается в коммуникативную инфраструктуру жизненных миров, уже подвергшихся значительной рационализации.

Оценивая концепцию Ю. Хабермаса с точки зрения нашей темы, отметим, что реализация индивидом своей социальной субъектности фактически неотделима от реализации интересубъективности, которая и должна стать полноценным результатом модерна. По сути, вся теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса представляет собой развернутое теоретическое определение условий реализации интересубъективности, соответственно условий воплощения индивидуальной и коллективной субъектности.

Отметим еще один чрезвычайно важный момент. Концептуализация социального субъекта и интересубъекта у Ю. Хабермаса указывает на принципиальную возможность оформления социальной реальности в соответствии с устремлениями участников интересубъективного социально-коммуникативного процесса. А это означает совершенно определенные ответы на целый ряд базисных вопросов социальной онтологии.

Ален Турен в книге «Критика модерна» (74) исходит из того, что обращение к вопросу о природе модерна – это обращение к вопросу об «идее модерна». При этом речь должна идти о позитивном определении, а не об определении через то, что модерн отрицает и отвергает.

В течение долгого времени модерн определяли лишь через указание на эффективное воплощение в нем инструментальной рациональности, покоряющей мир посредством науки и техники. Ни в коем случае нельзя отказываться от подобного рационалистского видения, поскольку оно предохраняет от всякого холлизма, тоталитаризма и интегризма. Однако такое видение не дает полной «идеи модерна», более того, оно «скрывает половину такой идеи модерна: появление субъекта как свободы и творчества» (74, с. 240).

Не существует одного единственного образа модерна. Можно говорить о двух образах, соотносящихся друг с другом, – образах рационализации и субъективации. Драма европейского модерна заключается в том, что он развивался в своеобразной борьбе с «половиной самого себя», преследуя субъекта во имя науки, отвергая всякий вклад христианства. Те, кто отождествляет модерн с рационализацией, сводят субъект к разуму, деперсонализируют его, приносят «я» в жертву, растворяют субъект в безличностном порядке природы или истории.

В действительности мир модерна во все большей степени соотносился с «субъектом, который есть свобода». Это означает, что в качестве благого принципа утверждается тот контроль, который индивид способен осуществлять над своими действиями и своей ситуацией и который позволяет индивиду воспринимать свои действия как часть его собственной личностной жизни, позволяет индивиду воспринимать себя как актора. «Субъект – это воля действовать и быть признанным в качестве актора» (74, с. 242).

И сегодня необходимо противостоять тому, чтобы один из компонентов модерна поглотил другой. Исключительное преобладание инструменталистского мышления ведет к угнетению людей, а преобладание субъективизма – к ложному сознанию. Мышление лишь тогда носит модернистский характер, когда отказывается от идеи какого-то общего, одновременно природного и культурного порядка. Такое мышление должно сочетать в своем подходе и детерминизм, и свободу, признавать и врожденное, и приобретенное, должно включать и природу, и субъект.

Критику модерна, т.е. сведение модерна к рационализации, не следует воспринимать как утверждение анти- или постмодерна. Речь идет о том, чтобы вновь открыть тот аспект модерна, который был предан забвению или оспаривался торжествующей рационализацией. Вместе с тем сами по себе субъект и «движение субъективации» не могут служить объединяющим принципом нового модерна. Таким принципом может быть только «сочетание субъекта и разума». Не следует закрывать глаза на то, что общество массового производства и потребления, общество предприятий и рынков движимо инструментальным разумом. В то же время в нем господствуют индивидуальные желания и коллективная память, мотивы жизни и смерти, мощным фактором является также поиск коллективной идентичности.

«Новый модерн» должен объединить разум и субъект. «Разорванный модерн» отвергал и подавлял одну из своих половин, превратившись в завоевательную и революционную модернизацию. Соответственно, такой модерн можно определить лишь как «связь и напряжение» между рационализацией и субъективацией. Отсутствие интеграции двух указанных принципов модерна не только задает характер модерна, но и ставит под вопрос «идею общества», разрушает идею общества, заменяет ее социальным изменением.

Субъект можно определить только через отношение – отношение одновременно и оппозиции, и дополнительности – с рационализацией. Лишь триумф инструментального действия, расколдовывающего мир, делает возможным появление субъекта. Субъект не может существовать в анимистском, магическом мире.

В то же время лишь через отношение к другому как к субъекту индивид перестает быть элементом функционирования социальной системы и становится творцом самого себя, а также становится создателем общества. Те, кто потребляет общество вместо того, чтобы созидать и трансформировать его, подпадают под власть тех, кто направляет экономику, политику и информацию.

«Субъект существует только как социальное движение, как оспаривание логики порядка, принимает ли это утилитаристскую форму или является просто поиском социальной интеграции» (74, с. 273). Рационализация ведет к усилению логики социальной интеграции. Суть истории модерна – это история перехода от борьбы субъекта против «священного порядка» к другой борьбе, а именно к борьбе против рационализаторских моделей. Эта борьба вдохновлялась стремлением защититься от мощи и напора модернизации, ориентированной на полное изменение общества и человека.

Буржуа потому и является центральной фигурой модерна, что предстает как агент одновременно и рационализации, и субъективации. Эту фигуру можно противопоставить фигуре капиталиста, поскольку здесь речь идет о человеке приватной жизни, человеке, наделенном совестью, человеке семьи и благочестия. Именно буржуазия, а не капитализм отстаивала собственность и права человека, превратив собственность в наиболее важное из этих прав. Буржуазия, борясь с абсолютной монархией, сформировала модерновый индивидуализм, который она связала с социальной борьбой против установленного порядка и его религиозными основаниями.

Возвращение к субъекту есть отчасти возвращение к буржуазному духу, а также к духу рабочего движения – и все это вопреки «духу тотальности», который на протяжении двух столетий от французской революции до русской революции господствовал в истории.

Само функционирование современного общества, его исторические трансформации и его конкретное единство уже не имеют, как кажется, какого-либо смысла, не соотносятся с какими-либо ценностями, нормами, политическими проектами. Между сферой объективного и сферой субъективного образуются социальные пустоты.

«Исчерпание идеи общества означает, – пишет Турен, – прежде всего, новый этап модерна и секуляризации» (74, с. 409). Различным новым способам социальной и культурной интеграции следует противопоставить идею субъекта, который порвал с законом социальной полезности и логикой социальных аппаратов. Субъект определяется отношением индивида к самому себе, а не соотношением с какой-либо сущностью или сообществом.

«Общество», как и сам разум, было «деистическим выражением» старого религиозного духа, новой формой союза между человеком и вселенной. Этот союз уже не может существовать, и данное обстоятельство заставляет нас войти в «полный модерн». Мораль уже не может быть связана с конформизмом, она должна призывать каждого брать на себя ответственность за свою жизнь, отстаивать свободу, далекую от индивидуализма, который в действительности открыт для различных форм социального детерминизма.

Прежняя модель общества уже не может дать ответ на реальные проблемы частной и коллективной жизни. Человек уже не гражданин общества, каким оно виделось просветителям. Он и не творение Божье. Он ответственен только перед самим собой.

В конце XX в. модерн исчез, он сводится к некоему «ускоренному авангардизму», превращающемуся в дезориентированный постмодерн. Из такого кризиса рождается – наряду с играми постмодерна и ужасами тоталитарного мира – более полный модерн, в который мы входим.

Сегодня общество модерна оказывается перед следующим выбором. Оно может полностью подчиниться логике инструментального действия и требований рынка, довести секуляризацию до полного подавления всякого представления о Субъекте, ограничиться сочетанием инструментальной рациональности и массового потребления с памятью о традициях и с сексуальностью, освобожденной от социальных норм. Другой путь состоит в сочетании рационализации и субъективации, эффективности и свободы. Этот второй путь следует в равной мере отделять от крайнего утилитаризма и от навязчивого поиска идентичности. Разум не сводится ни к интересу, ни к рынку, а Субъект не сводится к общине, коллективному «мы».

Реализованный модерн имеет целью только счастье, ощущение индивидом того, что он есть субъект и способен к социальным действиям, направленным на возрастание его свободы и творчества. Это личное счастье неотделимо от желания счастья для других, от солидарности и поиска счастья. Модерн – это одновременно свобода и труд, общность и индивидуализм, порядок и движение, заключает А. Турен.

В теоретических построениях А. Турена и Ю. Хабермаса модерн предстает не как исчерпавшая себя или ушедшая в прошлое эпоха. Модерн продолжает свое историческое существование и, более того, должен, трансформировавшись, иметь будущее. Такое будущее должно предстать как реализация социального потенциала модерна.

Примечательно, что при своем по существу философско-историческом подходе оба мыслителя не предлагают какого-то конкретного видения этого будущего.

Фактически в роли единственного ориентира желательной социальной трансформации предстает реализация идеи субъекта эпохи модерна.

При этом, однако, и в отношении такого субъекта нет конкретной полноты. Разумеется, это обстоятельство никоим образом нельзя воспринимать как недостаток. И А. Турен, и Ю. Хабермас, по-видимому, полагают, что любая конкретизация будет означать неправомерное сужение и даже обуздание того значительного со-

циального и культурного потенциала, который может быть реализован современными западными обществами. А реализация такого потенциала будет, если исходить из «идеи модерна», означать, прежде всего, создание условий для неисчерпаемого многообразия видов и образов человеческой субъектности и субъективности.

Попробуем резюмировать общее содержание различных современных концептуализаций «субъекта модерна». Такие концептуализации могут быть ориентированы как на позитивную характеристику и осмысление субъекта модерна, так и на его критику и даже отрицание его социально-исторической действительности.

Обобщенная современная идеальная концептуализация «субъекта модерна» представляет индивида как наделенное уникальной идентичностью «я», неповторимое, уникальное существо, базисной целью которого является самореализация. Индивид способен быть сознательным субъектом социального и культурного процесса. Такой субъект руководствуется прежде всего разумом, именно разум является стержнем субъектной и субъективной самореализации. Создание условий для самореализации такого индивидуально-автономного субъекта предстает как основная цель исторического и культурного процесса. Задача и смысл социальных институтов видятся в том, чтобы обеспечить условия такой самореализации для всех и каждого.

С точки зрения нашей темы главное заключается в следующем. Признание «субъекта модерна», какие бы формы такое признание ни принимало, означает признание социальной агентности как субъектности, означает признание возможности контроля над социальным процессом.

Как бы ни представляли себе так называемый постмодерн в будущем, он будет восприниматься как эпоха, которая считала возможным расстаться с понятием субъекта в его традиционалистском или модерновом формате.

Традиционные философские воззрения на субъекта и субъективность подверглись критическому осмыслению в рамках структурализма, постструктурализма и постмодернизма. Субъект как рациональное, определяющее и контролирующее свою историческую ситуацию, вообще ситуацию своего существования существо – вот та теоретическая и идеолого-мировоззренческая модель, которая была провозглашена несостоятельной.

В перспективе постструктуралистов и постмодернистов субъект представляет собой фрагментированное существо, лишенное четко определяемой и устойчивой идентичности. Субъект –

это процесс определенного рода, причем процесс в постоянном состоянии растворения, а не пребывающее во времени и сохраняющее свою уникальную определенность «я».

Постмодернизм рассматривает структуру «я» как нечто размытое и расчлененное: с одной стороны – как фрагментированное опытом, а с другой – беспомощностью, которую индивиды испытывают перед лицом глобализирующих тенденций социальной и культурной жизни. Ежедневная жизнь формируется как результат вторжения символических систем, массовой культуры, конституирующих мир в моделях и символах, которые делают его абсолютно искусственным. Уже никто не апеллирует к «реальному» объекту, поскольку не делается различия между представлениями об объектах и самими объектами, в мире доминируют искусственные модели. Отношение с миром трансформируется фундаментальным образом, и именно потеря связи с реальным миром вызывает ощущение «пустоты» и «бессмысленности» жизни.

Соответствующая позиция обозначается и как «постгуманизм». Эта позиция является, по существу, определенным моментом постмодернистских воззрений, поскольку предполагается, что нынешняя эпоха – это и постгуманистическая эпоха. Постгуманизм направлен в основном против «проекта Просвещения», если он рассматривается как потерпевший неудачу, а также против модернистского представления о субъекте, поскольку гуманизм представляет собой важнейший составной момент модерны.

Отметим, что рассуждения относительно «конца субъекта» образуют составную, причем весьма значительную, часть так называемой «культуры эндизма» (от англ. end – конец, окончание). Речь идет о совокупности определенных теорий, провозглашающих завершение исторического существования, соответственно исчерпание социальной и культурной действенности определенных явлений, таких как история, субъект.

Провозглашение конца таких явлений призвано не только констатировать, но и служить другим целям, прежде всего целям эмансипации от устаревших, обременяющих и репрессивных идей и установок, в том числе и в практическом плане. (Наиболее ярким примером можно считать тезис о конце истории. Ведь этот тезис можно понимать и таким образом, что нынешнее или будущее социальное и культурное состояние означает конец присущего истории отчуждения.)

Вместе с тем «эндизм» не означает стремления к полному разрыву с прошлым или полного его забвения. Достаточно вспом-

нить в связи с этим неоднозначное отношение постмодернизма к «эндизму». С одной стороны, постмодернисты разделяют представление об уникальном своеобразии нынешней эпохи, более того, они очевидным образом находятся в первых рядах тех, кто заявляет о том, что мы вступили в принципиально новое состояние. С другой стороны, постмодернистская культура вправе и призвана, в соответствии с программной установкой, широко использовать ресурсы культуры прошлого.

Итак, мы рассмотрели различные способы понимания и концептуализации социальной агентности. Они простираются от молчаливого, как бы самоочевидного признания способности человека поддерживать и воспроизводить существование базисных социальных институтов, социального порядка до признания полноценной социальной субъектности как потенциальной способности проектировать и созидать желательный благой социальный мир.

1.2.3. В завершение данного сегмента нашей работы обратимся к теме, в огромной степени новой для философской рефлексии, в том числе для философской социальной онтологии, — возможности изменять с помощью новейших научно-технологических средств саму биологическую природу человека со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Если говорить коротко, речь идет об осмыслении характера и перспектив человеческого существования, которое не будет однозначно определяться биологической природой человека, обусловленной предшествующим эволюционным процессом — осмыслении перспектив «постэволюционного существования». Все это неизбежно затрагивает существенные моменты не только философско-антропологической проблематики, но и проблематики социальной онтологии, позволяет поставить целый ряд вопросов, постановка которых была бы немыслима в другие эпохи. Возможно и желательно ли оставаться в рамках традиционных способов понимания понятия *человек*? Возможно, целесообразно пересмотреть это понятие, унаследованное от либерального гуманизма, с тем чтобы создать новые формы этого понятия? Во что мы превращаемся? Кем и чем мы в действительности хотим быть? Какое общество желательно смоделировать, учитывая новые неслыханные возможности науки?

Эти и некоторые другие вопросы рассматриваются в книге латиноамериканского философа Паулы Сибилиа «Посторганический человек» (70). П. Сибилиа исходит из того, что одна из лучших характеристик человека — человек существо «неопределенное». Эта характеристика выражает неслыханную пластичность

человека. Человек чрезвычайно многообразно моделировал и формировал себя на протяжении истории и в различных культурах. А общества, базирующиеся на капиталистической экономике, т.е. общества западного мира последних трех столетий, изобрели особенно широкий спектр техник, способных моделировать тела и субъективности.

С упадком индустриального общества, населенного дисциплинированными, послушными и полезными телами, наряду с упадком этих тел наблюдается угасание образов автомата, робота и человека-машины. Эти образы служили питательной почвой для многих реальностей и метафор на протяжении последних двух столетий.

Сегодня, взамен, множатся иные способы бытия. Современные тела, отдалившись от механической логики и помещенные в новый цифровой режим, предстают как системы обработки данных, коды, банки данных. Став объектом новых усилий технонауки, человеческое тело утратило свое классическое определение и прочность: в цифровой сфере оно становится проницаемым, проектируемым и программируемым.

Мечта эпохи Возрождения достигает своей вершины, становится реализуемой: наконец человек начинает располагать необходимым оснащением для того, чтобы конструировать жизни, тела и миры благодаря инструментарию всемогущей технонауки.

А, возможно, мечта гуманистов совершенно устарела? Человеческая природа, несмотря на все прославления в течение пяти веков, возможно, натолкнулась на свои собственные пределы. Однако является ли это непреодолимым барьером? Эта граница начинает выглядеть как проницаемая поверхность.

Указанная проблематика рассматривается в книге в тесной увязке с контекстом нового типа капитализма, капитализма постиндустриального и глобализированного. Автор фактически соглашается с теми, по преимуществу марксистскими, теоретиками, кто считает, что в нынешнюю эпоху капитализм достиг своего апогея, поскольку рынок абсолютно господствует во всех сферах жизни и на всей планете.

П. Сибилля обращает особое внимание на новые формы реализации социальной и политической власти и контроля. В описании этих форм она опирается на работы М. Фуко и Ж. Делёза. Новая социальная конфигурация предстает как тоталитарная в новом смысле: ничто не остается вне контроля. Оформляется новый

режим власти и знания, связанный с постиндустриальным капитализмом, отмечает П. Сибилля.

Современный социальный контекст отличается весьма ощутимо от «сценария общества модерна в пору его промышленного апогея». Появляются новые формы субъективации, отличные от тех, что производили послушные и полезные тела (как это описал М. Фуко). Новый капитализм воздвигается на основе неслыханной мощи новых информационных и биологических технологий.

П. Сибилля констатирует изменение, особенно заметное в последние два десятилетия, в «философских основаниях западной технонауки». Это изменение означает разрыв с мышлением модерна, несшим на себе прометеевские черты, и переход к «новому горизонту». Цель современного проекта в технонауке уже не определяется желанием улучшить жизнь большинства людей. Этому современному проекту присуще ненасытное и бесконечное устремление к полному господству над природой и ее тотальному присвоению. Речь при этом идет как о внешней по отношению к человеку природе, так и о его внутренней природе, его теле.

Современная технонаука – это знание «фаустианского типа», поскольку стремится преодолеть все ограничения материального порядка, связанные с человеческим телом, устранить все, что воспринимается как органические препятствия возможностей и притязаний человека. Речь идет о знании, притязающем на тотальный контроль над жизнью человеческой и нечеловеческой, притязающем на преодоление прежних биологических ограничений, включая наиболее фатальное ограничение – смертность. Вообще, технонаука сулит возможность преодолеть и предать забвению естественную конечность человека.

В последние десятилетия науки и искусства, средства массовой информации со своими дискурсами создают новый персонаж – «посторганического человека». Размываются многие воззрения, которые прежде казались четкими и не вызывающими сомнений. К числу таких воззрений относилось четкое различие естественного и искусственного.

В связи с этим следует прежде всего задаться вопросами о том, что же, собственно, представляет собой та естественность, та органичность, от которой отмежевываются. Речь идет об органичности, которая воспринимается как характеристика жизни как таковой и собственно человеческой жизни.

Ответ на эти вопросы следует искать в истории науки и культуры в целом. Эта история после эпохи Ренессанса проделала

путь концептуализации и осмысления образа «человека-машины». В XXI в. картина изменилась. Образ человека уже не увязывается с механическим пониманием мира. Человек предстает как носитель информации, и его образ, его природа воспринимается как зашифрованная в его генах, в процессах его мозга. Метафора «человек-машина», выступавшая в качестве двигателя прорывной технонауки, уступает свое место модели «человек-информация».

В различных биотехнологических и телеинформационных программах отчетливо просматривается тенденция преодолеть слабости органического человеческого тела, пространственно-временные ограничения, проистекающие из его материальности. Конечной целью технонаучной парадигмы является преодоление материи, выход за пределы ограничений, присущих человеческому организму, в поисках некоей вечной сущности. Во многом такие программы опираются на идею о нематериальности информации.

Указанные программы получают художественно-эстетическое, религиозное и философско-метафизическое выражение. Соответствующие образы в литературе и кинематографе, неогностические и религиозно-сектантские верования и практики, неокартезианские философские идеи широко распространяются и становятся очень влиятельным медийным продуктом и вообще значимым компонентом интеллектуальной и художественной сферы.

П. Сибилия отмечает, что новейшая технонаука при рассмотрении отношений между мозгом и ментальностью, а также между генами и поведением «впадает в искушение» редукционизма. Утверждается биологический детерминизм, «столь же упрощающий, как и грубая картезианская метафизика». Тот факт, что мозговые процессы являются базовым и необходимым условием всякой психической деятельности, не означает, что природу этой деятельности можно вывести просто из условий ее появления и функционирования.

По мнению П. Сибилия, очевидная неспособность западных мыслителей на основе современного знания объяснить мышление во всей его сложности имеет, вероятно, очень простое объяснение: мыслит не мозг, а человек. Поэтому даже самое подробное знание о связях между нейронами не будет достаточным для объяснения мышления. Информатика и молекулярная биология начала XXI в. демонстрируют свою неспособность объяснить сложность ментальной жизни человека. «Сложная логика человеческой ментальности, те способы, которыми мы мыслим и чувствуем, – утверждает П. Сибилия, – является загадкой для технонауки» (70, с. 128).

П. Сибилия обращается и к социальным компонентам проблемы отношений между телом и сознанием. По ее мнению, способы «разрешения» этой проблемы во всякую эпоху представляют собой «серьезные политические вопросы». Технологии производства душ и тел во все времена направлены против потенций жизни, они подчинены интересам, связанным с той или иной исторической формацией. В то же время таким технологиям вновь и вновь противостоят новые силы, «новые конфигурации тел и субъективностей». Это в полной мере относится и к сегодняшнему сложному обществу.

1.2.4. Второй раздел данной главы был посвящен рассмотрению проблематики социальной онтологии, связанной с базисной структурой социальной реальности как таковой, а также с условиями трансформации этой реальности.

Рассмотрение типологии отношений между социально-институциональными структурами и действующим индивидом позволило увидеть соответствующее проблемное поле в его целостности.

Анализ проблематики социального субъекта создает условия для теоретической оценки социально-созидательного потенциала человека. Проблематика социального субъекта рассматривалась преимущественно как проблематика «субъект модерна». Именно контекст этой проблематики открывает возможности рассмотрения субъектности как наиболее полного воплощения социальной агентности.

Завершился данный раздел работы анализом концепции «посторганического человека». Отметим в связи с этим, что практически все подходы философской социальной онтологии, как традиционные, так и новейшие, исходят из наличия такой биологической структуры, как «человек». Эта структура допускает огромную вариативность, эволюционную изменчивость, однако остается устойчивой и во многих отношениях неизменной. Иными словами, человек как биологическое существо понимается как некая неснимаемая, говоря философским языком, «абсолютная» данность. Человек являет неслыханную пластичность в своем социальном и культурном творчестве, но создается все это многообразие на основе и в рамках определенной биологической структуры.

В рассмотренной концепции «посторганического человека» социальная онтология предстает в увязке с демонстрацией способности человека посредством современной «технонауки» преобразовать и такое фундаментальное условие устройства социального бытия, как собственная органическая природа. Возможное «пост-

органическое», «постэволюционное» существование может восприниматься и как совершенно определенное свидетельство социально-трансформационного потенциала человека. Это есть также ответ на ряд важнейших вопросов социальной онтологии.

При этом в современной социальной онтологии не тематизируются какие-либо всеобщие принципы социально-конструктивной деятельности человека, укорененные в его природе или в каких-то внеположных человеку реальностях. Разумеется, предполагаются определенные ограничивающие эту деятельность моменты природно-физического и природно-биологического свойства. Однако главным фактором, ограничивающим и направляющим социально-созидательную деятельность, предстает сама эта деятельность, точнее ее уже реализованные содержания.

В порядке иллюстрации нашего тезиса можно сослаться на социально-онтологическую концепцию Роланда Румпеля, именуемую им «теорией истории» (62). Этот теоретический проект характеризуется автором так же, как «онтология исторической реальности». Суть этой концепции – в стремлении представить социально-историческую реальность как «игру», как проявление некоей «космической игры».

Рациональная базисная структура истории, эксплицируемая теорией истории как отношение между конкретным субъектом и происходящим, называется «космической историей». Эта структура, «космос» обосновывает, объясняет и оправдывает самые разнообразные эмпирические истории. Такая базисная структура называется «космосом» потому, что она есть порядок, который – находясь в центре истории – стоит над историей и в который исторический человек вляется как часть.

Космическая история характеризуется понятием «игра». Это понятие служит в качестве новой парадигмы для постижения человеческого познания, действия и бытия. Игра, с одной стороны, бесцельна, сама в себе несет свой смысл, но только если играющий субъект безусловно и ангажированно стремится к достижению своих целей (в игре). Игра сама играет, играет с субъектом, она есть подлинный субъект игранья, но только если субъекты принимают игру в сознании своей свободы и креативности.

Исторический человек укрыт в космосе истории, но укрыт только по кажимости, поскольку именно он сам постоянно заново порождает этот космос посредством своих конкретных способов и форм организации истории. Он играет с миром, и его судьба сама поставлена на карту игры. В основе трудящегося, продуцирующего

человека лежит человек играющий, играющий с реальностью. Лишь исходя из базисного порядка игры можно в конечном счете понять продуцирование и труд как акты изменения и оформления окружающего мира.

Историческая реальность есть порожденная, созданная, сделанная действительность в противоположность предданной, покоящейся в себе реальности, которую обозначают словом «природа». Ее породило не абсолютное бытие (например, Бог), а человек как ограниченное существо. Она есть поэтому монтаж, попытка и эксперимент, могущие потерпеть неудачу. Значительная ее часть состоит из неудавшихся фрагментов (из «онтологического отброса»).

Как порожденная конкретными субъектами историческая реальность есть многообразная реальность, которую нельзя объединить каким-то одним толкованием. В то же время ее можно редуцировать к определенной формальной структуре. Историческая реальность – это не сингулярная действительность. Она обладает множественными и чередующимися центрами. Эти центры, или целостные поля, могут увязываться в сети, в том числе иерархически организуемые. Эти центры можно постигать как организующие себя отграниченные индивидуальности, они обладают характером субъектов.

Историческая реальность есть нестабильная и ненадежная действительность. Субъекту не удастся из происходящего породить порядок, который бы определил реальность ясно и однозначно.

Завершая краткую экспозицию «теории истории», понимаемой Р. Румпелем как «онтология исторической реальности», интересно отметить, что он постоянно указывает, что такая «онтология исторической реальности» базируется только на опыте исторического существования западного человека, западной цивилизации.

Использование слов «космическая игра» в качестве ключевого понятия социальной онтологии призвано подчеркнуть открытый, незавершенный, непредсказуемый характер социально-исторической реальности.

Вообще мы вправе заключить, что при разработке социальной онтологии и в философии, и в социальных науках в настоящее время очевидно преобладает стремление к концептуализации социальной реальности как открытого, не predetermined динамического процесса. Конечно, речь идет именно о социальной онтологии, т.е. каких-то «последних», «базисных» свойствах социальной реальности.

С таким выводом относительно характера разработки социальной онтологии сочетается и другой вывод общего плана. Современные социально-онтологические концепции делают акцент на социально-созидательном потенциале человека. Это касается и генезиса социальной реальности, и вычленения базисных компонентов этой реальности, и указания на источники социальных трансформаций.

Глава вторая

ВОПРОС МЕТОДА В ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Философия социальных наук выступает не только в форме «онтологии социальных наук», о различных вариантах которой шла речь выше. Философия социальных наук традиционно предстает и как философское размышление общего плана о наиболее адекватных методах теоретического познания социального мира.

С XVII в. предпринимаются усилия наделить социально-гуманитарное познание таким же надежным теоретико-методологическим обоснованием, каким обладало мощно утвердившееся новое естествознание. Разумеется, и в настоящее время ведется интенсивная работа в этом направлении как в философии, так и в различных социальных и гуманитарных науках.

В данной работе рассматриваются только некоторые наиболее общие проблемы методологии социально-научного познания. Это, по существу, философские проблемы. Мы исходим из посылки о том, что эти проблемы фактически образуют своего рода основу или каркас многообразных конкретных методов, используемых в социальных науках.

Такая проблематика носит более общий характер в сопоставлении с конкретными методами и методиками. Она присутствует в конкретных методах и методиках в качестве наиболее общих эксплицитных или имплицитных предпосылок. Эти фундаментальные предпосылки конкретных исследовательских методов, используемых социальными науками, можно считать «фоновым методологическим знанием».

При рассмотрении философии социальных наук в ее методологической функции мы сосредоточим внимание на ряде философско-методологических проблем, фактически выполняющих

роль основания для всего диверсифицированного комплекса методов различных социально-научных дисциплин. Подчеркнем, что об основании говорится не в смысле «основоположения», на котором воздвигается строение конкретной методологии конкретных социальных наук. Речь идет о методологических проблемах, которые присутствуют и так или иначе обсуждаются в рамках всякой конкретно-дисциплинарной методологической саморефлексии. Вообще, ни о какой иерархии, ни о какой-либо системности в отношениях между философией социальных наук и методологией конкретных социальных наук говорить не приходится.

Как уже отмечалось (во введении), философия социальных наук может фактически выступать не только в виде особой философской дисциплины, не только в форме эксплицитных философских рассуждений, но и в форме определенных компонентов объектно-исследовательских или методологических теорий в социальных науках, если эти теории содержат разработки философского характера. Конкретно речь идет о разработках высокого уровня обобщения и обладающих универсальной применимостью.

Сказанное верно и в отношении философии социальных наук в ее методологической функции. Соответственно, мы подвергнем анализу как концепцию, которая понимается как относящаяся к философии социальных наук как особой философской дисциплине, так и методологическую проблематику, представленную в конкретной социальной науке. В этом плане, на наш взгляд, имеет смысл обратиться к методологической проблематике исторической социологии. Дело в том, что эта проблематика фактически реализует указанную методологическую функцию философии социальных наук. Прежде всего это связано с универсалистскими притязаниями исторической социологии. Ведь ее предметной областью являются практически все исторически существовавшие общества. Кроме того, она неизбежно соотносится и с сегодняшней социально-исторической реальностью.

2.1. Философское обсуждение методологии постижения социального мира традиционно сосредоточивается вокруг вопросов о том, должны ли феномены социального мира объясняться по образу действия естественных наук или их следует понимать каким-то особым способом, специфическим для познания социальной жизни. Традиционно обсуждался вопрос о существовании единого универсального метода для естественных и социальных наук. Этот вопрос был известен как вопрос о «методологическом монизме».

Философское обсуждение вопроса об отношении базового методологического оснащения социальных наук к методологическим основаниям естественных наук чаще всего оказывалось увязанным с изучением отношения между «объяснением» и «пониманием». Весь этот философско-методологический проблемный комплекс по-прежнему остается в фокусе внимания философии социальных наук.

Американский философ и социальный ученый Мартин Холлис (48; 49) предпринимает попытку резюмировать долговременные дебаты относительно объяснения и понимания. Для нас ценно прежде всего то обстоятельство, что такая попытка осуществляется в перспективе философии социальных наук, а не только в рамках той или иной дисциплинарной методологии. Кроме того, М. Холлис стремится представить проблемную ситуацию в максимально возможной объективной манере. В этом он видит свою задачу, а не в том, чтобы аргументировать в пользу какой-то одной из обсуждаемых позиций.

Рассуждения М. Холлиса наглядно демонстрируют, что исследование отношений между объяснением и пониманием предполагает рассмотрение целого ряда важнейших методологических проблем, относящихся практически ко всем социальным наукам.

М. Холлис выделяет, прежде всего, «четыре ключа к анализу социального действия» – «системы», «культуры» (холизм); «рациональные выборы», «субъективные смыслы» (индивидуализм). Кроме того, «системы» и «рациональные действия» группируются как факторы «объяснения», а «культуры» и «субъективные смыслы» – как факторы «понимания».

Можно начать с «систем» и, соответственно, считать, что действия являются в полной мере ответом на изменения в окружающей среде. Для каждого отдельного актора среда включает других акторов. Для всех коллективно среда – это внешняя структура: «общество» или, возможно, «природа». М. Холлис справедливо, на наш взгляд, подчеркивает, что для того, чтобы подобный подход представлялся убедительным, нужна поддержка со стороны мощной функционалистской или эволюционной теории.

Холистский, более системный подход, действительно, добавим, зачастую сопрягается с функциональным объяснением. Социальные системы обладают различными условиями равновесия. Когда такие условия не соблюдаются, то система либо стремится исправить нарушение, либо движется к новому равновесию. Поведение

частей системы можно объяснить, таким образом, через функциональные требования, вытекающие из свойств системы как целого.

Функционалистское мышление уже не столь распространено, как это было вплоть до 1960-х годов. Оно присутствует латентным образом, как, например, в неоклассической экономике – наиболее индивидуалистской из социальных наук. Это пример объяснительного реализма, имеющего как психологические, так и социальные компоненты, а также функционалистские аспекты.

Далее М. Холлис обращается к вопросу о том, можно ли конструировать объяснительный индивидуализм посредством такой позиции, как «рациональные выборы»? В этом вопросе нет ясности. С одной стороны, теория рационального выбора, расширенная с помощью теории игр, стремится проанализировать коллективные феномены через их индивидуальные компоненты. Социальные конвенции и, соответственно, устойчивые социальные институты можно представить как суммы и результаты индивидуальных выборов. С другой стороны, участвующие «индивиды» предстают как автоматические трансляторы данных предпочтений в ожидаемые полезности – так же как различные данные вводятся в компьютерную программу. Что устанавливает предпочтения, то диктует выборы.

Рассмотрев «системы» и «рациональные выборы» в качестве факторов объяснения, М. Холлис представляет модель «стандартного объяснения» и те возражения, которые она вызвала.

При стандартном объяснении формулируются гипотезы или теории, выводятся их импликации и тестируются опытом. Если наблюдение подтверждает теорию, то уже не требуются дальнейшие шаги. Если же этого не происходит, то теорию следует поправить или заменить. Обычно не считают, что каузальные законы представляют собой что-то большее, чем такой фильтрующий процесс. Речь идет только о степенях вероятности.

Такая идея объяснения кажется простой и элегантной, констатирует М. Холлис, особенно если придерживаться эмпиристских позиций и считать, что только опыт в состоянии оправдать притязания на знание о мире.

В соответствии с «постэмпиристской позицией» предложенная модель объяснения слишком схематична. Мы нуждаемся в более компактной и лучше организованной сети корреляций, которую эмпиризм не в состоянии предложить. Эмпиризм прав в том плане, что судьба объяснений зависит только от испытания опытом. Однако опыт никогда не бывает однозначным, и его суждения

также не бывают недвусмысленными, считают постэмпиристы. Всегда предполагается применение понятий. Нет фактов, нейтральных по отношению ко всем интерпретациям, и при объяснении чего-либо мы осуществляем *выбор* между теориями.

Одним из основных источников такого подхода является идея К. Поппера о науке как «предположениях и опровержениях». К. Поппер считает, что наблюдение не бывает свободным от теории и не в состоянии установить или даже подтвердить истину гипотезы или предположения. Однако оно в состоянии в принципе опровергнуть действительно эмпирические случаи (в противоположность марксизму и психоанализу). Прогресс возможен, поскольку опровержение представляет собой момент объективной истины, даже если подтверждение таковым не является.

Подход К. Поппера не представляется достаточно радикальным с другой точки зрения – *прагматизма*, особенно у У. Куайна. Здесь не признается наличие моментов неприкрашенной истины, независимой от всяких сетей интерпретации. Опровержения имеют решающее значение, только если мы выбираем считать их обладающими таким значением. Объяснение приобретает холистский характер.

Давняя идея о том, что структуры и силы внешни по отношению к исследующему разуму, остается необходимой предпосылкой науки. Если задается вопрос о том, откуда мы знаем о существовании таких структур и сил, то ответ заключается в том, что наука может и должна продвигаться посредством вывода к лучшему объяснению.

В рамках анализа природы социально-научного объяснения М. Холлис переходит к рассмотрению вопроса о том, является ли наилучшее объяснение психологическим или социальным (или и тем и другим), ставит «вертикальный» вопрос об индивидуализме и холизме. Индивидуалистская позиция традиционно увязывалась, как это было у Гоббса, Юма и Милля, с сознательными или бессознательными мотивами, присущими человеческой природе, а также с объяснениями того, как эти мотивы способны порождать социальные организации посредством взаимодействия индивидов.

Если мотивы считаются сознательными, то открывается возможность для рациональных реконструкций действий. Вместе с тем открывается возможность и для интерпретативного подхода, соответственно для понимания. Однако всякое «внутреннее поведение» в конечном счете подчиняется натуралистскому канону каузального объяснения, отмечает М. Холлис.

При объяснении поведения индивида следует попытаться изучить, как этот индивид видит свою ситуацию. Объяснение должно начинаться, и возможно закончиться, с понимания ситуации изнутри. Это подводит М. Холлиса к рассмотрению идеи понимания.

Когда индивид совершает какое-либо действие, это действие обладает значением в нескольких планах. Во-первых, можно задать вопросами о его намерениях, целях, причинах и мотивах, а также о том, какое отношение к своему действию индивид ожидает от других людей. Это вопросы о «субъективном значении». Во-вторых, можно спросить, а что означает действие само по себе – какое действие совершается с публичной точки зрения. Это связано с «интерсубъективным значением». В-третьих, о действии можно спросить, рассматривая его в более широком контексте или как знак какого-то лежащего в его основе процесса. Это можно назвать «объективными значениями». (Если действие рассматривается в терминах, далеких от собственных терминов акторов, то следует подумать о том, а не идет ли речь о каузальных объяснениях.)

В философском плане для того, чтобы выдвинуть значение в центр внимания, следует поставить проблему «других сознаний». Как какой-нибудь человек или группа людей знают о том, что на уме у другого? Это также одна из проблем познания, однако в данном случае она отличается от других проблем тем, что речь идет о «двойной герменевтике». Всякому нашему знанию о мире присуща какая-то единая герменевтика, поскольку факты не предстают просто сами по себе, знание о них предполагает интерпретацию.

Когда же мы интерпретируем поведение как действие, то мы осуществляем двойную интерпретацию: один раз, когда устанавливаем поведение как действие, а другой – когда приписываем значение этому поведению как действию. Для того чтобы знать, что у других на уме, мы должны быть в состоянии осуществить такую двойную герменевтику.

В традиционном виде проблема заключается в том, что каждый из нас обладает знанием о себе самом, каковое знание отсутствует в нашем знании о других. Мы понимаем их мысли, эмоции и желания, значение их слов и действий посредством выводов с опорой на их поведение. Такие выводы пересекают разделительную черту между физическим и ментальным, между внешними и внутренними аспектами личности. Но у нас нет гарантии правильности нашего знания. Каким же образом мы можем перейти от единой герменевтики к двойной? Поставив этот очень продуктив-

ный, на наш взгляд, методологический вопрос, М. Холлис не предлагает на него ответа.

Вероятно, не существует какого-то одного единственного объяснительного ключа. Люди осуществляют свою собственную историю в обстоятельствах, которые отчасти являются результатом их выбора, причем делают это тем в большей степени, чем в большей мере знают, как это делать. В таком знании смешиваются объяснение и понимание. Философы и социальные ученые не могут четко определить способы такого смешения. Ни один из этих ключей не способен быть главным, подчеркивает М. Холлис.

В связи с этим целесообразно, по его мнению, ограничиться указанием на вопросы, касающиеся границ между объяснительными и интерпретативными факторами («ключами» к анализу социального действия). Являются ли те причины, которые подсказывают исполнителям ролей причины их действия, причинами на манер естественных причин? Можно ли считать участников игр социальной жизни одновременно и следующими правилам, и осуществляющими какой-то выбор? Наделяя значением социальные факты, нуждаемся ли мы в понятиях, предшествующих индивидуальной психологии, а также чуждых понятиям естественных наук? Какой формой детерминизма следует руководствоваться социальным наукам при изучении мира, обитатели которого притязают на то, чтобы быть творцами? Короче, насколько особенными являются интеллектуальные и моральные способности людей?

М. Холлис представил наиболее известные позиции в вопросе об адекватном общем методе социально-научного познания, соответственно рассмотрел «объяснение» и «понимание» и сами по себе, и в соотношении друг с другом. Как и можно было ожидать, он не приходит к каким-то однозначным выводам. Вообще, обрести однозначность в данном вопросе вряд ли удастся, о чем свидетельствует соответствующая дискуссия, продолжающаяся уже не одно десятилетие.

Дискуссия продолжается, вопрос, по меньшей мере в некоторых принципиально важных моментах, остается открытым. В связи с этим значительным достоинством работы М. Холлиса нам представляется тематизация повестки дня для дальнейшего обсуждения.

2.2. М. Холлис подверг анализу некоторые общие ключевые моменты методологической рефлексии в сфере социальных наук. Еще целый ряд важнейших по существу методологических проблем, имеющих отношение ко всему спектру социально-научного познания, нашли отражение в методологических разработках,

осуществленных в рамках исторической социологии. Речь идет о методологическом осмыслении и ревизии такого ключевого социально-научного понятия, как «общество»; о некоторых аспектах междисциплинарности; о соотношении между эмпирическим исследованием и теорией. Рассмотрение этих вопросов, вкупе с теми, что подверг анализу М. Холлис, позволяет составить общее представление о характере методологической работы в современной философии социальных наук.

Современная историческая социология разрабатывается преимущественно в англоязычном мире, прежде всего в Великобритании и США.

При всех различиях в понимании характера исторической социологии можно констатировать несомненное преобладание установки на разработку социологической теории исторической жизни человечества. Если говорить кратко, своеобразие исторической социологии заключается в исследовании долговременных процессов социального изменения и оформления крупномасштабных социальных структур. В предметную сферу исторической социологии могут входить также те или иные исторические эпохи или даже отдельные крупные события исторической жизни. Важнейшим направлением исследовательской работы является историческая компаративистика. В этом историческая социология многообразно пересекается с компаративистской социологией, в методологическом плане в том числе.

Еще раз укажем на следующее обстоятельство. Философско-методологическое значение методологические проблемы и разработки исторической социологии приобретают в силу ее особенностей, в первую очередь вследствие специфики ее предметной сферы. Как уже отмечалось, речь идет о соотнесенности этой предметной сферы с многообразием исторически существовавших обществ.

2.2.1. Универсальный характер предметной области исторической социологии обуславливает универалистскую ориентацию ее методологического оснащения. Такая ориентация проявляется, в частности, в стремлении использовать такое понятие «общества», которое было бы применимо к возможно большему числу исторически существовавших обществ. Подобное стремление ведет к пересмотру традиционного «ортодоксального» социально-научного понятия общества, так или иначе скоррелированного с национальным государством и обществом, которое такое государство «содержит». Ревизия традиционного понятия общества влечет за собой и пересмотр целого ряда других теоретико-методологических по-

зиций. Ведь, подчеркнем, объектная и методологическая ориентация на национальное общество и национальное государство привычно играет важнейшую роль в методологическом оснащении социальных наук.

Британский социолог Майкл Манн осуществил исследование предыстории человечества, перехода к цивилизации, истории ранних цивилизаций, исторического пути западной цивилизации, которое представляет собой один из крупнейших исследовательских проектов в области исторической социологии, современной социологической теории вообще.

Значимым методологическим содержанием концепции М. Манна следует считать и критическое размежевание с системной, или унитарной концепцией общества, которую он квалифицирует как «социологическую ортодоксию».

М. Манн предпринимает попытку представить свое целостное видение «общества» и соотнести это видение с «теоретико-социологической ортодоксией» (51). Он заявляет о том, что намеревается руководствоваться «особым общим подходом к рассмотрению человеческих обществ, расходящимся с теми моделями общества, которые господствуют в социологии и в историографии» (51, с. 1).

В рамках экспозиции этого видения особый интерес для нас представляет рассмотрение вопроса о том, возможно ли наделение какого-то «источника власти» первичностью по отношению к другим источникам власти. Наделение какой-то «функциональной подсистемы общества», какого-то «измерения», «источника власти» и т.п. статусом первичности, тем более в плане определяющего, детерминирующего воздействия, или отрицание наличия чего-либо с таким статусом, несомненно, обладает первостепенным методологическим значением.

Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: «Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти» (51, с. 1). Смысл данного утверждения раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть «подсистем», «измерений» или «уровней» у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения

нельзя свести «в конечном счете» к какому-то системному свойству этого целого – будь то «способ материального производства», «культурная» или «нормативная система». В силу того что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на «эндогенные» и «экзогенные» разновидности. Не существует социальной системы и потому нет внутренне присущего ей «эволюционного» процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует «диффузии» форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, которая «как целое» ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно членение на «социальное действие» и «социальную структуру».

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений «четырех источников социальной власти – идеологических, экономических, военных и политических отношений». Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Как считает М. Манн, в самом общем виде власть – это способность преследовать и достигать те или иные цели посредством овладения окружающей средой. Социальная власть обладает еще двумя специфическими характеристиками. Во-первых, она представляет собой осуществление господства одних людей над другими. Речь идет о «распределительном» аспекте власти, способности одних навязать свою волю другим. Во-вторых, социальная власть может быть «коллективной». Коллективный аспект социальной власти заключается в кооперативном объединенном усилении мощи одних людей для господства над какими-то другими людьми или господства над природой. В большинстве социальных отношений одновременно действуют и переплетаются оба аспекта власти – «распределительный и коллективный, эксплуататорский и функциональный». Отношение между двумя этими аспектами социальной власти носит диалектический характер. Преследуя свои цели, люди вступают в отношения кооперативной коллективной власти. При реализации коллективных целей возникают социальная организация и разделение труда. Они несут в себе тенденцию к распределительной власти, что вытекает из функций надзора и

координации. Те, кто занимает позиции наверху, в состоянии осуществлять контроль при условии, что функции контроля институционализированы в законах и нормах соответствующей социальной группы.

Четыре источника социальной власти, продолжает М. Манн, связаны с различными организационными средствами осуществления социального контроля. В разные времена и в разных обстоятельствах тот или иной источник превосходил другие по своим организационным возможностям, и форма организации этого источника социальной власти определяла форму соответствующего общества в целом.

Отношения между четырьмя указанными источниками социальной власти не являются сугубо внешними, поскольку они не отделены жестко и четко друг от друга. Вообще эти источники следует рассматривать «как идеальные типы, существование которых носит прерывистый характер как отдельных организаций в рамках разделения труда и которые могут задавать весьма разнородную форму» (51, с. 28).

В то же время многие «сети практики», интеракционные сети располагаются как бы в промежутках основных четырех источников социальной власти и не вписываются полностью в наличные «господствующие конфигурации» социальной жизни. Кроме того, в эти господствующие конфигурации не полностью интегрированы в институциональном отношении и некоторые, причем весьма важные, моменты из указанных четырех источников. «Эти два ресурса интеракции в промежутках» и ведут в конечном счете к появлению эмерджентной властной сети, центрирующейся на одном или более четырех основных источников социальной власти, а также приводят к реорганизации социальной жизни и новой господствующей ее конфигурации. Таким образом продолжается исторический процесс» (51, с. 30).

Продолжая сопоставлять свой теоретический подход с социологической ортодоксией, М. Манн отмечает, что ортодоксальные воззрения предполагают абстрактное, почти геометрическое рассмотрение общества как унитарного образования. Уровни или измерения выступают как составные элементы какого-то большого целого. Многие даже дают диаграммное изображение общества. Общество предстает как большая коробка или окружность N-мерного пространства, разделенного на меньшие коробки, секторы, уровни, векторы, измерения.

В соответствии с подобной позицией каждое измерение / уровень можно разложить далее на какое-то число «факторов». В связи с этим развернулась дискуссия между сторонниками «многофакторного» и «однофакторного» подходов. Первые стремятся обосновать, что идейные, культурные, идеологические, символические факторы являются автономными и не сводимы к материальным или экономическим факторам. Однофакторный подход отстаивают марксисты.

При этом стороны разделяют посылку, заключающуюся в представлении о «факторах» как о компонентах функциональных, организационных измерений, или уровней, которые являются независимыми подсистемами какого-то всеохватного социального целого. А это, в свою очередь, связано с использованием общего основного понятия – «общество». В общем, термин «общество» чаще всего применяется для обозначения всякой стабильной человеческой группы, и в этом плане не отличается от таких выражений, как «социальная группа» или «ассоциация». Сам М. Манн также намеревается использовать термин «общество» в таком значении. Однако в более строгом или более амбициозном смысле «общество» применяется к стабильной социальной группе, понимаемой как унитарная социальная система. В таком смысле использовали этот термин О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, антропологи-классики. Только М. Вебер относился настороженно к такому подходу, и лишь Т. Парсонс вступил с ним в открытый спор. Определение Парсонса: «общество – это определенный тип социальной системы во всяком универсуме социальных систем, который достигает наивысшей степени самодостаточности как система по отношению к своей среде» – приемлется М. Манном, но при этом отвергается чрезмерное употребление слова «система». В итоге он предлагает свое определение: «Общество – это сеть социальной интеракции, на границах которой существует определенного уровня интеракционный зазор между нею и ее средой» (51, с. 13). Общество представляет собой известное единство со своими пределами, оно воплощает относительно плотную и стабильную интеграцию. Это означает, что такая интеракция является внутренне структурированной, если сопоставлять ее с какой-либо интеракцией, пересекающей ее пределы.

В основе системной, или унитарной, концепции общества лежит теоретическая посылка о том, что люди как социальные животные нуждаются в обществе как ограниченной и структурированной социальной тотальности. Это неверно. Люди нуждаются в

социальных властных отношениях, но не нуждаются в социальных тотальностях, подчеркивает М. Манн.

Оценивая концепцию М. Манна в перспективе методологической проблематики, можно констатировать, прежде всего, что им предложено предельно общее определение предметной сферы социологии, предметной сферы исторической социологии в том числе. Причем это определение фактически проверено и обосновано на обширнейшем материале.

Кроме того, следует указать и на значительное количество конкретных методологических рассуждений и замечаний, включенных в ткань исследования очень обширного, как только что отмечалось, социально-исторического материала.

2.2.2. Историческая социология уже стала объектом интенсивного изучения. Особый массив образуют работы, ориентированные на методологическое осмысление исследовательской практики и впечатляющих теоретических достижений исторической социологии. При этом мы сосредоточим внимание в первую очередь на методологических разработках, осуществленных в рамках самой исторической социологии.

Важнейшей методологической проблемой для исторической социологии является проблема соотношения собственно социологии и историографии. Эта проблема освещается в работе Филиппа Абрамса (25). Общая позиция Ф. Абрамса заключается в том, что между «настоящей историей» и «настоящей социологией» не может быть разрыва, поскольку они преследуют одну и ту же цель – показать отношения между социальной структурой и социальной агентностью в процессах социально-исторического изменения. Опираясь на творчество классиков социологии, а также на работы крупнейших современных историков, Ф. Абрамс утверждает, что знание, к которому стремятся историография и социология, – это, в общем, одно и то же знание. По мнению Ф. Абрамса, есть основания говорить и о конвергенции методологических воззрений. В общем, это основной тезис методологических рассуждений Ф. Абрамса.

В подтверждение своей позиции он ссылается на то, что практика историографии в настоящее время столь многообразна, столь разнообразны ее пересечения с социологией, что, вероятно, уже нет нужды беспокоиться о формальных различиях и границах двух дисциплин. Вместе с тем Ф. Абрамс предлагает и аргументацию для обоснования этой позиции. В самом кратком виде ее можно представить следующим образом. Если историк и обладает каким-то специфическим предметом изучения – это события.

Именно в терминах событий историки конструируют историческую реальность. Даже в тех случаях, когда речь идет о ходе событий, сама идея хода связана с идеей событий. По мнению Ф. Абрамса, и те исторические подходы, которые связаны со стремлением реконструировать моменты или эпохи прошлого без соотнесения с отдельными событиями, в действительности представляют собой способы более адекватного постижения событий.

Определив центральное положение событий в историческом анализе, Ф. Абрамс указывает на то, что социология не уделяла достаточно внимания событиям как объекту анализа. С этим связаны те моменты разрыва между историей и социологией, которые исторической социологии надлежит преодолеть.

Деннис Смит сделал объектом своего анализа практически всю историю исторической социологии после Второй мировой войны (73). Мы обратимся к рассмотрению того сегмента его работы, который непосредственно посвящен методологической проблематике – «методологическим подходам и стратегиям объяснения», по собственному выражению Д. Смита.

Д. Смит отмечает, что в академическом мире существует значительное напряжение на границе между социальной теорией и историческим исследованием. Историки могут быть обеспокоены тем, что им навязывают неадекватные общие теории. Это основная причина «остаточного антагонизма» между историками и социологами.

Д. Смит прежде всего выделяет «три вида деятельности» исторических социологов. Это «первичное исследование» конкретных исторических ситуаций, способствующее пониманию специфики этих ситуаций, их разнообразия и связанных с этими ситуациями социальных изменений. Другой вид образуют «эмпирические обобщения», опирающиеся и на исследования других ученых. Такие эмпирические обобщения соотносятся тем или иным образом с теоретическими проблемами. Наконец, «систематическое теоретизирование» относительно процессов исторического изменения – оно в той или иной мере опирается на результаты первичных исследований и эмпирические обобщения.

В работах исторических социологов устойчиво применяются четыре стратегии объяснения. Речь идет об опоре на те или иные базисные факторы исторического изменения. Итак, стратегия объяснения в исторической социологии может строиться вокруг перво-степенного внимания к следующим факторам социального изменения: «отбор, проистекающий из соперничества»; «системные

противоречия»; «инфраструктурные возможности»; «господствующие пути социального изменения».

Методологический сегмент работы Д. Смита состоит фактически в том, что конкретные концепции исторической социологии представляются как ориентированные преимущественно на тот или иной вид деятельности исторического социолога, а также на одну из указанных стратегий объяснения. Кроме того, Д. Смит уделяет значительное внимание характеру ценностно-идеологического отношения представителей исторической социологии к изучаемому ими историческому материалу.

Важное место в рамках литературы, посвященной мета-теоретическому изучению исторической социологии, по-прежнему занимает сборник работ (77), в которых исследуются методологические подходы, использованные в творчестве главных представителей исторической социологии.

Из-за недостатка места мы представим только центральную статью сборника, написанную Тедой Скочпол (67). Т. Скочпол, как известно, сама является одним из главных представителей современной исторической социологии.

Т. Скочпол ратует за универсалистскую открытость исторической социологии, которая не является и не должна становиться только каким-то разделом социологии или какой-то самодостаточной академической специальностью. Подобная открытость должна проявляться как в выборе исследовательской тематики, так и в выборе методологии. К примеру, социологи вправе использовать заимствуемые у историков методы изучения архивов, а также использовать работы историков в качестве «вторичных источников» исторических свидетельств.

Т. Скочпол подчеркивает, что ошибочно жестко связывать историческую социологию с какой-то определенной теоретической, эпистемологической или методологической ориентацией. Более того, подобная попытка не соответствовала бы исследовательской практике в современной исторической социологии. Выбор исследовательской стратегии и методов должен быть делом выбора со стороны индивидуальных ученых или группы ученых. Они вправе выбирать любые понятия, теории, гипотезы, подходящие для решения их задач. Одним словом, в исторической социологии не должно быть механических рецептов, жестких методологических установок.

Вместе с тем можно, по мнению Т. Скочпол, набросать «карту альтернативных исследовательских стратегий», которые использовались и, вероятно, будут использоваться в дальнейшем. В связи с

этим она выделяет три основные стратегии, сочетающие исторически ориентированные исследования и социальную теорию, в первую очередь социологическую теорию.

Первая стратегия заключается в использовании одной теоретической модели в целях изучения одного или многих объектов, рассматриваемых посредством этой модели. Другая стратегия, связанная со скептическим отношением к ценности общих моделей или каузальных гипотез, ориентирована на разработку того, что можно назвать осмысленными историческими интерпретациями. Еще одна стратегия состоит в применении различных, в том числе альтернативных гипотез с целью выявить определенные каузальные закономерности, объясняющие те или иные исторические процессы или результаты этих процессов.

В 1950–1960-е годы считалось, что социология способна сформулировать приемлемую общую теорию общества, соответственно возможно использование какой-то общей модели применительно к одному или нескольким историческим случаям. Классическим образцом можно считать структурно-функционалистскую теорию эволюционной дифференциации, предложенную в книге Нила Смелзера «Социальное изменение в эпоху промышленной революции» (1959)¹. Эта теория, как предполагается, может быть применена к бесчисленному количеству исторических случаев. Основу общих моделей, применяемых в целях социологического изучения истории, могут образовывать самые различные идеи – не только структурно-функционалистские.

Основная методологическая проблема, связанная с использованием общих моделей, заключается в произвольности их выбора. О произвольности можно говорить в двух смыслах. Во-первых, сама модель должна быть дана до начала ее использования в исторических исследованиях. Во-вторых, возникают вопросы относительно применимости общей модели к конкретным историческим случаям. Историки в особенной мере вправе утверждать, что факты отбираются произвольно для подтверждения используемой социологической модели.

Если исторические социологи, использующие общие модели, осознают опасность произвольности, то ищут выход, как правило, в комбинировании своего подхода с какими-то вариантами двух других, которые будут рассмотрены ниже.

¹ *Smelser N. Social change in the industrial revolution. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1959.*

Вторая стратегия, используемая историческими социологами, заключается в разработке интерпретаций, имеющих широкий исторический охват. В какой-то мере такую стратегию можно считать скептической реакцией на применение теоретических моделей или гипотез в целях выдвигания каузальных обобщений относительно крупномасштабных структур или образцов изменения. Образцами использования данной стратегии в исторической социологии можно считать творчество Рейнгарда Бендикса и Эдварда П. Томпсона.

«Интерпретирующие исторические социологи», как Т. Скочпол называет приверженцев этой стратегии, уделяют значительное внимание «культурно укорененным» интенциям индивидов и групп. Кроме того, они, как правило, выбирают для исследования объекты, значимые с точки зрения нынешней эпохи. Интерпретирующие исторические социологи широко используют компаративистский подход. Они продвигаются, осторожно опробуя альтернативные гипотезы. Ведь с их позиций общие теоретические модели не воздают должное историческим партикулярностям и историческому разнообразию.

Приверженцы третьей основной стратегии в исторической социологии, по мнению Т. Скочпол, фокусируют усилия на разработке адекватного объяснения для какого-то четко определимого результата или образца в истории. К их числу относятся, к примеру, Марк Блок и Бэррингтон Мур. Базисная предпосылка осуществления такой стратегии заключается в признании существования в истории каузальных закономерностей, пусть и ограниченного масштаба. Установлению подобных закономерностей призвано содействовать использование различных, прежде всего альтернативных, гипотез. Эти гипотезы могут либо заимствоваться из прежних теорий, либо создаваться заново.

В этой исследовательской стратегии налицо, подчеркивает Т. Скочпол, отсутствие стремления анализировать исторические факты в соответствии с какой-либо предданной общей моделью объяснения. «Аналитические исторические социологи», как называет Т. Скочпол приверженцев такой стратегии, в гораздо большей мере склонны ставить вопросы «почему?», чем приверженцы интерпретативной стратегии.

Особую роль в данной исследовательской стратегии играет компаративистский подход. По существу основные работы, осуществленные с позиций этой стратегии, представляют собой компаративистские исследования того или иного масштаба. Компара-

тивистские исследования ориентированы на установление общих для нескольких случаев каузальных факторов, призванных объяснить общий для этих случаев исторический феномен. Компаративистские исследования могут быть ориентированы на демонстрацию контрастных различий между одними случаями и другими случаями. (Здесь речь идет фактически об использовании в компаративистских исследованиях в исторической социологии двух методов – «метода согласия» и «метода различия» – у Дж.С. Милля.)

Как видно, метатеоретическое осмысление исторической социологии, а также разработка ее методологической проблематики носят весьма дифференцированный характер. Более того, целый ряд таких разработок могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Так, Денис Смит уделил значительное внимание анализу работы исторического социолога как субъекта исследовательской деятельности. Это можно рассматривать как важное дополнение к анализу методологической проблематики в строгом или традиционном смысле.

Исторической социологией проделана колоссальная работа, получены в высшей степени ценные теоретические результаты. Мы вправе утверждать, что уровень, разнообразие и результаты методологической саморефлексии исторической социологии в значительной мере соответствуют ее общим достижениям.

Глава третья

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК КАК МЕТАТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Философию социальных наук в ее метатеоретической функции можно возвести к шестой книге «Системы логики» Джона Стюарта Милля. Здесь предпринимается попытка предложить логико-эпистемологическое обоснование «моральных наук».

В процессе все нараставшей дифференциации социальных наук на передний план выходили работы, посвященные разработке методологических и метатеоретических проблем отдельных социально-научных дисциплин. Чаще всего подобные работы создавались специалистами в этих дисциплинах. Вместе с тем задача разработки философии социальных наук как некоей общей метатеории по меньшей мере основных социальных наук никогда не снималась с повестки дня.

Философия социальных наук в ее метатеоретической функции предстает в виде метатеоретического анализа исследовательских результатов и теорий в различных социально-научных дисциплинах. Более того, она способна взять на себя функцию компаративистского междисциплинарного анализа таких результатов и теорий. При подобном видении философии социальных наук она выступает фактически как некое сведение воедино, как синтез того, что предпринимается в плане метатеоретической рефлексии в рамках самих социальных наук.

В этой главе будут рассматриваться современные концепции, специально посвященные метатеоретической проблематике социально-научного знания. Такие метатеоретические концепции будут представлены соответствующими социологическими теориями, а также аналитической философией истории, реализующей метатеоретическую функцию по отношению к исторической науке. Метатеоретические концепции преследуют цели прояснения процесса возникновения социально-научных теорий и анализа структуры готовых теорий; выявления критериев отнесения этих теорий к той или иной теоретической традиции или парадигме. Эти концепции базируются на различии между собственно метатеоретическими задачами и задачами теорий, сосредоточивающихся на исследовании тех или иных явлений социального мира. Можно также считать, что перед нами теория науки в строгом смысле в применении к социально-научному знанию.

3.1. И применительно к философии социальных наук в ее метатеоретической функции, так же как и применительно к другим ее функциям, можно говорить о том, что философия социальных наук выступает как в форме автономных философских рассуждений, так и в форме соответствующих тематических разработок в рамках конкретных социальных наук.

Начнем рассмотрение метатеоретической проблематики в философии социальных наук с концепции Карла Ахама (26). К числу несомненных достоинств этой концепции можно отнести четкое вычленение в философии социальных наук ее метатеоретической функции.

К. Ахам понимает философию социальных наук как «научное изучение интерпретативных (понимающих) и теоретических (объясняющих) социальных наук». К. Ахам подчеркивает, что философия социальных наук решает вопросы о науке, а не вопросы, возникающие *внутри* сферы науки. Ее вопросы – это вопросы «второго порядка».

«Теория» решает троякую задачу: теория служит постижению какого-то положения дел; служит объяснению этого положения дел; служит логико-структурному анализу этого объяснения этого положения дел. Соответственно, можно говорить о трех функциях теоретического рассуждения: об исследовательской функции онтологических теорий; об объяснительной функции объясняющих теорий; об обосновывающей функции теорий, ориентированных на логическое оправдание (объясняющих) теорий.

Можно выразиться и таким образом, что существуют три типа теорий: онтологические теории; научные теории в более узком смысле; теории, ориентированные на логическое оправдание.

Онтологические, или теории предмета, принадлежат к тому типу теорий, которые можно охарактеризовать как «теории как средство изображения». Они служат установлению того, что «действительно» имеет место. (Для них используются такие обозначения, как интерпретационная рамка; принцип систематизации; определение поля рассмотрения.)

Категориальное определение объекта исследования может определять не только способ использования описательных понятий, но и выбор научных теорий, объясняющих представленные содержания.

В качестве второго типа можно указать теории, служащие средством объяснения, соответственно, теории в их инструментальной функции. Здесь задается вопрос: почему появилось то, что имеет место?

Третий тип образуют теории, ориентированные на логическое оправдание, соответственно, как обосновывающие теории. Здесь задается вопрос: почему правомерно объяснение того, что имеет место? Это область логики объяснения (соответственно, прогноза) эмпирически содержательных высказываний. Такие теории выдвигают критерии пригодности объяснений, показывают различие между необходимыми и достаточными условиями для подлежащих объяснению состояний и событий. Это метатеоретические рассуждения.

К. Ахам осуществил типологизацию социологических теорий в зависимости от выполняемых ими функций. Отметим, что выделенные функции в реальной исследовательской практике находятся в тесной связи. Кроме того, одна и та же теория может реализовывать весь набор указанных функций. В связи с нашей задачей особенно важно указание на теории, в которых преобладает метатеоретическая функция. Перейдем к рассмотрению таких теорий.

3.2. Здесь будет рассматриваться проблемный комплекс, связанный с анализом структуры, функций и идеологических импликаций социологических теорий как готового продукта теоретико-исследовательской деятельности.

Объектом метатеоретических размышлений Джеффри Александера (27) становятся «общие теории». Социология полна специальными теориями, к примеру теориями стратификации, социализации, политики и управления, отмечает Дж. Александер. Общие теории сводят вместе такие специальные теории. Общие теории в определении Дж. Александера – это теории «обо всем», об «обществах» как таковых, скорее о модерне, чем о каком-то конкретном современном обществе, скорее об интеракции, чем о какой-либо особой форме или виде интеракции.

Наиболее важным метатеоретическим вопросом является вопрос о возникновении теории. «Реальный мир» накладывает жесткие ограничения на теоретизирование. В то же время теоретическое рассуждение обладает определенной автономией по отношению к реальному миру. «Теории порождаются нефактуальными, или неэмпирическими, процессами, подчеркивает Дж. Александер, предшествующими научному контакту с миром в такой же мере, как и структурой этого «реального мира» (27, с. 6). К нефактуальным процессам относятся прежде всего такие явления, как «интеллектуальная социализация» и «спекулятивное воображение» ученого. В процессе конструирования научных теорий эти явления модифицируются реальным миром, но не устраняются до конца. Можно сделать поэтому вывод о «двустороннем отношении» между теориями и фактами.

Неэмпирическую часть науки следует считать ее «априорным элементом». Носителем этого элемента, по мнению Дж. Александера, выступают традиции. Социология является эмпирической социальной наукой, связанной со строгим тестированием, с фактами, с дисциплиной доказательств и фальсификации. При всем том эти виды научной деятельности разворачиваются в рамках традиций, считающихся чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим строго эмпирической оценке. Такие научные традиции образуют «базисные компоненты» социальной науки. Дж. Александер справедливо отмечает, что современные теоретические дискуссии как раз и вращаются вокруг них, вокруг различных концептуализаций базисных компонентов социальной науки.

В социальной науке признается важная роль целого ряда неэмпирических элементов. Различные традиции в социальной тео-

рии утверждают тот или иной элемент в качестве основополагающего. Некоторые теоретики считают, к примеру, что содержание социальных исследований определяется политическими верованиями ученого. Социологию в таком случае рассматривают как разделенную на консервативные, либеральные и радикальные традиции. Все же решающим элементом социальной теории можно считать не идеологический элемент, а избираемые модели, методы, указание на конфликт в обществе как на главный фактор.

Вместе с тем, как подчеркивает Дж. Александер, ни один из указанных элементов, или уровней социальной теории, не обладает той решающей силой, которой его наделяют. Все указанные позиции не учитывают наиболее общий неэмпирический уровень, который Дж. Александер называет «уровнем предположений». Под предположениями понимаются «наиболее общие посылки всякого социолога – то, что он «предполагает» при встрече с реальностью» (27, с. 10). Именно они образуют «господствующие традиции» в социальной мысли.

Первым предположением является предположение относительно природы действия. Здесь речь идет в первую очередь о том, рационально или нет действие. Определение этого зависит от выбора внешнего или внутреннего момента в качестве основного для действия. С точки зрения «рационалистических» подходов действие определяется извне, а «нерационалистических» – изнутри.

Второе предположение Дж. Александер называет «проблемой порядка». Все социологи признают наличие структур, отделенных от индивидов, но резко расходятся в понимании того, как возникает социальный порядок. Можно выделить «индивидуалистские» и «коллективистские» подходы к проблеме порядка. «Коллективистские» подходы рассматривают социальные образцы как предшествующие всякому индивидуальному действию, как продукт истории.

«Индивидуалистские» подходы, даже если они признают наличие наиндивидуальных структур в обществе, считают их результатом межиндивидуальных взаимодействий. Структуры не просто воспроизводятся, но в действительности продуцируются в процессе конкретного взаимодействия индивидов. Индивиды не только обладают известной свободой, но в состоянии изменить основы социального порядка в любой момент исторического времени. Индивиды не несут социальный порядок в себе, скорее они принимают его или восстают против него.

Логические перестановки указанных предположений образуют фундаментальные социологические традиции: рационалистски-индивидуалистские и рационалистски-коллективистские, нормативно-индивидуалистские и нормативно-коллективистские. При этом, как подчеркивает Дж. Александер, послылки относительно порядка не влекут определенные послылки относительно действия.

Каждая теоретическая позиция рождает свою собственную дилемму. Если она осознается, то создатель этой позиции или его последователи стремятся внести коррективы, сохранив основные моменты теории. В этих случаях чаще всего вводятся новые категории, которые Дж. Александер называет «остаточными», поскольку они остаются все же вне основной линии теории.

«Предположения о природе действия и порядка являются рельсами, по которым движется социология» (27, с. 15). Выбор предположений определяет теоретические возможности не только в позитивном смысле, но и в плане их ограниченностей и слабостей, заключает Дж. Александер.

Нетрудно заметить, что рассуждения Дж. Александера фактически воспроизводят повестку дня теории науки применительно к сфере социально-научного познания. Речь идет о процессах возникновения и оформления теорий, о выявлении структурных уровней, а также компонентов теории в виде используемых моделей. В концепции Дж. Александера мы видим и присущее постпозитивистской теории науки стремление определить принадлежность рассматриваемой теории к той или иной научной парадигме.

Центральное место в концепции Дж. Александера занимает рассуждение о роли «предположений» как наиболее общих посылок исследовательской практики и их значении в готовых теориях. «Уровень предположений» квалифицируется как набор общих представлений о природе социального действия и социального порядка, а также о характере отношений между ними. Дж. Александер предлагает типологию таких отношений.

Мы вправе констатировать, что фактически речь идет о базовых элементах социальной реальности, а их концептуализация, включая концептуализацию отношений между ними, есть по существу социально-онтологическая концептуализация. (Можно вдобавок указать на сходство с теми социально-онтологическими подходами, которые рассматривались в главе первой.)

Для нас, однако, в данном месте нашей работы представляется наиболее важным сделать вывод о континуумности проблематики философии социальных наук в том плане, что во всех

своих функциях и формах эта проблематика базируется на социальной онтологии.

Метатеоретическое построение Дж. Александера базируется на анализе обычных исследовательских социологических теорий. Немецкий социолог Андреас Балог (32) делает предметом своих метатеоретических рассуждений метатеоретические же теории. Речь идет о теориях, исследующих теории социологического знания, в противоположность теориям о социальных системах общества или о каких-то содержательных сферах, которые образуют предметную сферу социологических исследований.

Речь идет об анализе метатеорий, которые демонстрируют прескриптивный компонент, поскольку предлагают, в конечном счете, рекомендацию относительно того, как конкретные явления определять, делать предметом социологического исследования и анализировать. Этим явно или неявно предлагаются определения того, что такое социология и каким образом ей следует воспринимать свои задачи. Такие метатеории в силу всеобщности своих притязаний находятся в конкуренции друг с другом.

Плюрализм подобных метатеорий не является чем-то новым. Классики различным образом определяли предметную сферу, форма объяснения ими увязывалась с «различными методическими идеалами». И различными были их представления относительно надлежащей формы объяснения, что также связано с «различными методическими идеалами». Удивительно то, что дальнейшее развитие привело к еще большему увеличению и закреплению различий.

Ввиду указанных различий требуется, по мнению А. Балоба, какая-то надстоящая общая точка зрения, делающая возможным сопоставительный анализ метатеорий. Наряду с классифицирующим подходом, размещающим различные отдельные подходы (например, марксизм, теория систем и символический интеракционизм), есть попытки выделять различные уровни обычных исследовательских теорий. Такие метатеоретические попытки у всех авторов демонстрируют «сходную формально-иерархическую структуру», даже если в содержательном отношении не имеется в виду одно и то же.

Какими могут быть критерии анализа «метатеоретического фона»? Трудность заключается в том, что последние метатеоретические послышки как основное содержание этого фона не могут подвергнуться проверке посредством эмпирического материала. Однако это обстоятельство не должно вести к признанию того, что указанные послышки следует просто принимать, как это утверждают приверженцы постмодернистской социологии.

Один хорошо известный ответ на вопрос относительно последних посылок состоит в указании на возможность реконструкции таких фоновых посылок, «направляющих постановок вопроса», «аксиоматических оснований». При этом возможно показать, что они оказываются связанными с определенными, зачастую противоположными измерениями – прежде всего с противопоставлением индивидуализма и холизма, а также рациональности или иррациональности действия.

Такое видение ведет в конечном счете к метатеоретической классификации теорий и подходов на основе их позиций по базисным проблемам и отношению к определенным измерениям.

А. Балог отстаивает альтернативную, по отношению к только что описанной, возможность «анализа и критики». Он руководствуется тем, что теории социологического знания, или метатеории, изначально направлены на то, чтобы ответить на определенные вопросы. Должна учитываться не только эксплицитная программатика, но и результаты теоретических анализов, подчеркивает А. Балог.

Поскольку ответы могут оцениваться только с учетом вопросов, на которые они служат ответом, то реконструкция таких вопросов образует предпосылку оценки теорий. Следует рассмотреть ответы на четыре вопроса: 1) как осуществляется концептуализация социальных обстоятельств; 2) каковы принципы социологического объяснения; 3) как происходит объяснение социальной интеграции; 4) каковы критерии социологической критики общества.

Первые три вопроса образуют устойчивый ядерный элемент существующих социологических парадигм. Соответственно, основное внимание А. Балог уделяет взаимосвязи этих трех «постановок вопроса». Отстаиваемый им тезис состоит в следующем. Смещение концептуально-методических и содержательно-каузальных вопросов имеет для социологии однозначно негативные последствия, поскольку вследствие такого смещения социологи предформируют объекты исследования на основе предварительных теоретических решений. Необходимость разделять концептуально-методические и содержательно-каузальные вопросы была осознана относительно поздно.

А. Балог рассматривает в представленной перспективе классические подходы, а также целый ряд новейших концепций. В первую очередь он ориентируется на выявление определенных общих моментов и «конвергенций» в новейших социологических

построениях, связанных со стремлением определить место теории, а также предмета исследования в социологии.

Итак, объектом рассмотрения у А. Балоба становятся теории, которые в соответствии с намерением их авторов представляют собой «теории социологического знания», независимо от того, содержат ли они также высказывания о структуре социального мира. Другими словами, объектом метатеоретического анализа у А. Балоба становятся метатеоретические же теории, а не теории, реализующие те или иные исследовательские задачи в обычном смысле.

А. Балог отмежевывается от стандартного подхода в метатеории социологического познания, высоким образцом которого он считает метатеоретическое построение Дж. Александера, реконструированное нами выше. Стандартный подход ориентирован на то, чтобы посредством метатеоретической рефлексии определить различные уровни той или иной общей социологической теории, упорядочить их иерархическим образом. Все это призвано отделить «априорные» элементы теории от тех данностей социальной реальности, которые становятся объектом исследования. А. Балог в своем подходе также стремится к отделению неэмпирического, заданного заранее содержания в теориях, занимающихся исследованием социальной реальности. Отличие его метатеоретического подхода от того, что он считает стандартным подходом, состоит, во-первых, в использовании метода вопроса и ответа, и, во-вторых, в отказе от формальной иерархизации уровней в конкретной социологической теории.

Представленные здесь концепции образуют определенное единство. Это единство послужило в качестве критерия их отбора для рассмотрения. Концепция К. Ахама указывает место метатеоретических концепций в совокупности социально-научных теорий, а также определяет их функцию. Рассуждения Дж. Александера представляют эту функцию в ее реализации применительно к социологическим теориям. Наконец, концепция А. Балоба ориентирована на осуществление метатеоретической функции в отношении уже сложившейся совокупности метатеоретических работ. Его «альтернативный подход» есть по существу реализация метатеоретического анализа уже существующих метатеоретических подходов.

В своей совокупности концепции Дж. Александера и А. Балоба позволяют составить достаточно полное представление о современной метатеоретической рефлексии, занимающейся изучением возникновения, оформления и структуры готовых социологических теорий.

Одним из «сквозных» тезисов данной работы служит утверждение о том, что философия социальных наук предстает и в форме автономных философских рассуждений соответствующей направленности, и в форме определенных концепций в рамках научных дисциплин. Этот тезис получает наглядное подтверждение на примере того, что было названо метатеоретической функцией философии социальных наук. Выше были рассмотрены социологические концепции, решающие метатеоретические задачи применительно к теоретико-социологическому знанию. Эти задачи решаются на столь высоком уровне анализа и обладают столь высоким потенциалом применимости ко всему социально-научному дисциплинарному комплексу, что у нас есть все основания квалифицировать указанные концепции как относящиеся к философии социальных наук.

В то же время вот уже почти два столетия метатеоретическое исследование научно-историографического познания считается делом философии, именуясь «философией истории» (наряду с этим в академической историографии существует целый комплекс дисциплин, занимающихся проблемами методологического обеспечения, в частности источниковедческого, конкретной исследовательской практики).

3.3. Историческое познание в традиции западной мысли реализуется в теоретических формах философии истории (пересекающейся с концептуализациями истории в западнохристианской теологии) и научной историографии. В последние десятилетия можно говорить об исторической социологии как об особой форме исторического познания.

Каждая из этих форм постижения истории служит объектом метатеоретической рефлексии. Рассмотрение такой метатеоретической рефлексии в отношении научной историографии и образует содержание заключительного сегмента нашей работы.

Методологическая рефлексия набравшего силу исторического познания стала в XIX в. основной движущей силой метатеоретической проблематики социальных наук. В первую очередь это было связано с институционализацией исторических наук.

Так сложилось, что определенная разновидность философии истории выполняет функцию метатеоретической рефлексии и по отношению к другой разновидности философии истории, и по отношению к научной историографии.

Классические философско-исторические концепции включали, соответственно, не только концептуализации исторического

процесса, но и обоснования возможности таких концептуализаций, а также элементы методологической рефлексии научно-историко-графического исследования. Это означает, что в классической философии истории присутствовали все те формы философско-исторической рефлексии, которые в дальнейшем представляли в обособленном виде.

Действительно, наряду с так называемой субстанциальной, материальной философией истории, которая как онтология истории призвана была указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории, в XIX в. начала формироваться и завоевывать признание философия истории второго вида. В работах И. Дройзена, В. Дильтея, в исследованиях по логике исторического познания В. Виндельбанда и Г. Риккерта, в дискуссиях по проблемам историзма, в анализах природы исторического познания Б. Кроче, Р. Коллингвуда и др. была заложена и развита традиция критической философии истории.

В 1940–1950-е годы к исследованию природы исторического знания подключился целый ряд философов, принадлежащих к аналитической традиции (К. Гемпель, М. Мандельбаум, И. Берлин, А. Данто, У. Дрей, М. Уайт и др.). Эта философия истории стремилась ответить на следующий круг вопросов. В чем состоит специфика исторического знания, каковы его связи с донаучным историческим сознанием, со смежными социальными и гуманитарными науками? Каково соотношение понимания и объяснения в истории? Применяют ли историки общие с другими науками схемы объяснения или же есть специфические формы исторического объяснения? Каково значение ценностных суждений в историческом познании и как наличие таких суждений соотносится с объективностью исторического знания? Существует ли теоретический уровень исторического знания или историческая наука ограничивается только описаниями фактов и событий? Как строится историческое описание и повествование (нарратив)? Можно ли считать, что нарратив включает в себе определенную логику понимания и объяснения?

Философское изучение условий и возможностей исторического познания в конце XX – начале XXI в., как и прежде, выступает в двух основных разновидностях. В европейской философии истории эпистемологического типа продолжаются дискуссии между философско-трансцендентальными, герменевтическими и аналитическими подходами.

Аналитическая философия истории (другая разновидность) разрабатывает традиционную для нее тематику: природа исторического факта; объяснение и понимание; ценностные моменты в историческом познании. Определенным приоритетом в настоящее время обладает проблематика исторического нарратива, что связано с использованием новых теоретических разработок из других областей аналитической философии, в частности проблематики факционалистского дискурса.

При характеристике нынешнего состояния философско-исторического дискурса мы провели различие между европейской и аналитической разновидностями в философском изучении условий и возможностей исторического познания. Это различие очень условно, во-первых, потому, что географическое по существу обозначение противопоставляется сугубо содержательному; во-вторых, в силу того обстоятельства, что в настоящее время соответствующие философские разработки какого бы то ни было рода немислимы без соотнесения с аналитической философией истории.

Тем не менее есть определенный смысл в проведении указанного различия, поскольку оно указывает на специфику аналитической философии истории, по меньшей мере оттеняет ее своеобразие через сопоставление с «историкой» (принятое в немецкой традиции обозначение для преимущественно философских разработок методологической проблематики историографии) с ее традиционной ориентацией на трансцендентал-философские и герменевтические методы.

Мы сосредоточим внимание на рассмотрении аналитической философии истории, преимущественно англоязычной. Аналитическая философия истории весьма разнообразна. На протяжении нескольких десятилетий были выработаны различные подходы, нередко конфликтующие, соответственно предпринимались усилия с целью установить основные моменты разногласий и, по возможности, устранить их.

Аналитическая философия истории, исследующая условия и природу исторического познания, представляет собой по преимуществу философскую рефлексию относительно реальной практики познания прошлого, прежде всего практики академической институционализированной исторической науки. Это реальная практика, опирающаяся на мощный институт университетской историографии.

Разумеется, при этом речь не идет о сугубо дисциплинарных, «технических» методологических разработках. Это дело самой историографии. Философия истории обращается главным об-

разом к философско-эпистемологическим и методологическим аспектам теоретического познания прошлого. В связи с этим можно утверждать, что фактически речь идет о «метатеории истории».

В настоящее время наиболее важными из проблем, исследуемых аналитической философией истории, представляются те, что связаны с философским реализмом, с объяснением, а также с нарративизмом. С ними так или иначе оказываются увязанными и большинство других проблем, обсуждаемых в аналитической философии истории. Подчеркнем, что, как и прежде, все рассуждения соотносятся с готовым историографическим текстом – его логикой, использованными языковыми, в частности стилистическими средствами.

Проблематика реализма – это проблематика онтологического статуса прошлого. Существование прошлых событий является необходимой предпосылкой исторического дискурса – и историографического, и философско-исторического. Если не приходится сомневаться в существовании прошлых событий, то не исключено, что возможно историческое познание, философско-историческое в том числе.

Интересную и, что очень важно, достаточно полную реконструкцию разработки проблематики реализма в аналитической философии истории предложил Леон Помпа (56). Л. Помпа констатирует, что историки обычно занимают реалистские позиции в отношении знания. Это включает три утверждения: индивидуальные события, действия и происшествия действительно имели место в прошлом; истинные исторические утверждения, или факты, являются утверждениями о таких происшествиях; такие утверждения известны потому, что в настоящем имеется достаточно свидетельств о них. Такая позиция обманчиво проста и была оспорена применительно к каждой стадии, отмечает Л. Помпа.

Реализм предполагает, что прошлое, которому привержены историки, есть *независимое* прошлое, т.е. прошлое, наполненное событиями, которые имели место независимо от того, будем ли мы когда-нибудь знать что-либо о них. Историки видят свою задачу в раскрытии содержания прошлого, а не в *создании* его.

Такой подход оспаривается, однако, идеалистическим воззрением, оспаривается посредством теории, известной в настоящее время как «конструкционизм». В соответствии с конструкционистской позицией историки способны постигать истины о прошлом, однако это не прошлое, как мы его обычно понимаем, т.е. как *независимое* прошлое с реальными событиями, ожидающими того,

чтобы быть обнаруженными. Речь идет о специфическом «историческом» прошлом, которое существует как нечто, что мы конструируем исходя из наличных свидетельств. Соответственно, если бы мы стали обладателями новых свидетельств и стали конструировать по-иному, то изменилось бы не только наше знание, но изменилось бы и само историческое прошлое. Но в таком случае было бы ложным и стандартное историческое верование реалистского характера, а также понимание знания, которое предполагается им.

Главное обоснование такой позиции состоит в том, что если нет реального прошлого, то оно не может выполнять функцию верификации того или иного исторического объяснения. Соответственно, то прошлое, которое представляет нам историк, – это не прошлое, каким оно могло бы быть само по себе, а прошлое, соотнесенное только с нашей способностью объяснить наши верования относительно свидетельств. Идея, что историки раскрывают прошлое, которое существовало независимо от нашего знания о нем, отвергается в пользу идеи о прошлом, которое существует только как конструкция, призванная объяснять наличные свидетельства. Данное воззрение имеет сходство с некоторыми формами научного антиреализма.

Конструкционизм включает ту же предпосылку, которую делал Б. Рассел: поскольку исторические утверждения – это утверждения о прошлом, которое мы уже не можем воспринимать, т.е. что-то проблематичное в его онтологическом статусе. Однако это очень сомнительная посылка, считает Л. Помпа, поскольку большинство видов знания, как повседневного так и научного, относятся к тому, что ненаблюдаемо в настоящее время (скорость света или существование нейтронов). Если бы дело обстояло так, что утверждение о чем-то ненаблюдаемом не могло бы быть утверждением о независимой реальности, то набор утверждений о том, что мы считаем реальными сущностями, должен бы быть заменен набором утверждений о сконструированных сущностях.

Возражения, однако, не исключают того, что историческое знание получается посредством использования аргументации, причем так, как об этом говорит конструкционизм. Возражения лишь показывают, что нет оснований считать, что аргументы приводят к результатам, к утверждениям о каком-то «историческом» (историографическом) прошлом, а не о реальном прошлом, которое можно постигать рядом различных способов, заключает Л. Помпа.

Для понимания того, какую роль проблематика объяснения играет в аналитической философии истории, обратимся к работе

одного из наиболее известных ее представителей Артура Данто с примечательным названием «Закат и конец аналитической философии истории» (40). Здесь судьбы аналитической философии истории вообще увязываются с этой проблематикой. А. Данто утверждает, что если сильно упрощать, то начало аналитической философии истории можно связывать с публикацией классической работы Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории» (1942)¹. Рассмотрение А. Данто воззрений К. Гемпеля призвано указать на то место, которое проблематика объяснения всегда занимала в аналитической философии истории.

К. Гемпель, невзирая на все критические возражения, не видел, по мнению А. Данто, оснований для пересмотра своих воззрений на историческое объяснение, равно как и разработанной совместно с Полом Оппенгеймом более объемной общей теории объяснения («Исследования по логике объяснения» 1948 г.)². При этом совершенно очевидно, что К. Гемпель в принципе был готов к пересмотру своих позиций, если находил основания для этого.

Опубликованная в 1965 г. книга «Аналитическая философия истории»³ самого А. Данто призвана была показать, что объяснение, как его понимал К. Гемпель, вполне совместимо с повествованием. Это означало защиту «модели покрывающего закона» от утверждений, что нарративистские модели представляют собой полную альтернативу указанной модели.

Действительно, отметим, что значительная часть усилий историков направлена на объяснение того, что произошло в прошлом. Анализ того, как надлежит осуществлять объяснение, является предметом споров. Эти споры связаны с противостоянием двух точек зрения. Первая заключается в том, что следует разрабатывать доказательные объяснения. В соответствии со второй следует стремиться к какой-то форме понимания действий людей.

Точка зрения, согласно которой объяснения в истории являются или должны быть той же формы, что и объяснения в естественных науках, была, как в очередной раз подчеркнул А. Данто,

¹ Hempel C.G. The function of general laws in history // The Journal of Philosophy. – 1942. – № 39. – P. 35–48.

² Hempel C.G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science. – 1948. – № 15. – P. 135–175. Рус. пер.: Гемпель К.Г., Оппенгейм П. Логика объяснения. – М., 1998. – С. 89–146.

³ Danto A. Analytical philosophy of history. – Univ.press, 1965. – Рус. пер.: М.: Идея-Пресс, 2002.

наиболее ярко и полно представлена К. Гемпелем. Тезис К. Гемпеля, ставший известным как «модель покрывающего закона», или дедуктивно-номологическая модель, включает два момента: объяснить событие значит показать его предсказуемость, а чтобы показать предсказуемость события, следует показать, что его можно подвести под какой-то набор каузальных законов.

Отметим следующее. Сильная сторона модели покрывающего закона состоит в том, что объяснение должно показать, почему произошло такое событие, а не другое. Но это означает, что речь фактически идет о детерминистском объяснении. Именно данное обстоятельство послужило основной причиной наиболее сильных возражений против указанной модели.

Наибольшее внимание привлекают возражения, которые заключаются в указании на то, что материал историографии таков, что модель неверна в принципе. Особый вес имело возражение, состоящее в указании на то, что модель не способна воздать должное уникальности исторических событий и индивидов. Однако нельзя отрицать, что при всей уникальности исторических событий их следует описывать в общих терминах, поскольку только так о них вообще можно что-то сказать. Соответственно, уникальность не является достаточным возражением против модели покрывающего закона, отмечают его сторонники.

Уникальность может представлять и как указание на деятельность уникальных индивидов, поведение которых не может быть подвластно законам. Сомнения в правомерности подобных утверждений проистекают из того, что объяснения в терминах склонностей (индивидов) несут в себе те же импликации законосообразного поведения, какие требуются моделью покрывающего закона.

Вопрос об индивидуальности приобретает особое значение в связи с тем, что историки обычно интересуются не индивидом как таковым, а индивидом в той или иной роли. Указывается, что нет законов, способных объяснить отношения между индивидом и ролью, и нет законов, способных объяснить историческое оформление и развитие ролей. Соответственно, можно сделать вывод о том, что здесь в принципе неприменима модель покрывающего закона.

Альтернативная модели покрывающего закона модель исторического объяснения предполагает то, что часто называют «рациональной реконструкцией». Центральная идея этой модели состоит в том, что главная задача историка заключается в том, чтобы понять человеческое действие специфически человеческим способом. Историк делает это, когда показывает, что определенное дей-

ствие представляет собой интенциональное действие, предпринятое в соответствии с определенными верованиями, которые делали такое действие осмысленным для агента, предпринявшего его.

Действие получает объяснение, когда мы понимаем, почему агент решил совершить его. Можно отметить, что это, однако, лишь часть объяснения, поскольку историков интересует не только то, почему люди действовали определенным образом, но и то, были ли их действия успешными или неудачными. Соответственно, когда установлены причины действия и верования агента, их следует подвергнуть дальнейшему критическому исследованию, поскольку успех или неудача действий зачастую зависят от достоинств или недостатков лежащих в их основе причин и верований.

Если историки пытаются понять действия в терминах рациональной реконструкции, то объяснение будет верным только если они в состоянии установить, какими в действительности были причины действия.

Теория нарратива, или нарративистская теория деятельности историка по-прежнему, вот уже несколько десятилетий находится в центре внимания аналитической философии истории.

Историки традиционно представляли результаты своих исследований в форме повествования, или нарратива. Несмотря на оспаривание роли нарратива, к примеру теми, кто отдает предпочтение измерениям и считает индивидов и события относительно поверхностными следствиями глубинных структур и процессов (существование которых можно увидеть только со временем), – нарратив остается наиболее характерным способом представления исторического знания и, соответственно, предметом оживленных дебатов относительно его эпистемологического статуса и онтологических импликаций.

Освящение истории как академической дисциплины в XIX в., идеал объективной и беспристрастной науки, вообще понимание науки в соответствии с позитивистскими и историцистскими парадигмами – все это уводило в сторону от сосредоточения внимания на нарративной форме, а также от мощной риторической традиции, считавшейся до тех пор чем-то необходимым для освоения ремесла историка. Такое господствующее видение истории как науки, а также отказ от традиционной социальной функции, заключавшейся в легитимизации власти, – все это побуждало считать повествование такой формой изложения результатов исследования, которая не оказывает воздействия на содержание презентации «фактов».

Несомненно, одна из заслуг нарративизма в его различных версиях состоит в том, что было обращено внимание на форму повествования и его структуры. А повествование с его структурами считалось только техникой экспозиции, не оказывающей воздействия на информацию, которая содержится в историографическом тексте.

Между проблемами реализма и нарративизма есть связь в интересующем нас аспекте. Рассмотрение проблемы реализма не позволяет увидеть, почему анализ способов повествования должен ставить под вопрос правомерность исторической науки и субстанциальной философии истории. Конечно, нарративная форма структурирует материал, отбирает его и сообщает ему определенную связь. Однако между теорией повествования и содержанием историографических текстов не существует такой противоположности, которая бы принуждала спасать эту историографию посредством отрицания ее повествовательного характера.

То, что обсуждалось выше, обеспечивает поддержку мнению о том, что историки в состоянии давать знание о том, что же в действительности происходило в прошлом.

Одним из самых известных теоретиков философско-исторического нарративизма является Хейден Уайт. Позиция, изложенная несколько десятилетий тому назад в его книге «Метаистория», стала важнейшим источником для разработки нарративизма, а также других подходов аналитической философии истории. И его последние работы, соотносящиеся с такими разработками, а также с критикой, представляют собой в настоящее время одну из наиболее полных и последовательных версий нарративизма (80; 81)¹.

Исходным моментом для Х. Уайта служит тот бесспорный факт, что для специфически исторических дискурсов типичным является создание нарративных интерпретаций своего материала. Наделение исторических дискурсов письменной формой, их перевод в эту форму порождает специфический объект, историографический текст, который в свою очередь может стать объектом философской, или критической рефлексии.

Современная теория истории поэтому обычно проводит различие между прошлой реальностью, являющейся объектом исследования историка, историографией, т.е. письменным дискурсом историка относительно этого объекта и философией истории, ко-

¹ В распоряжении автора имеются только немецкая и испаноязычная версии этих работ Х. Уайта.

торая исследует возможные отношения между этим объектом и этим дискурсом. (Заметим попутно, насколько четко здесь определены функции аналитической философии истории.)

Х. Уайт напоминает о том, что наш опыт истории неотделим от нашего дискурса относительно истории. Дискурс нужно создать, написать прежде, чем он предстанет как «история». Опыт истории предстает многообразно, соответственно многообразию дискурсов в историографии.

Согласно такому подходу «история» представляет собой не просто объект изучения или соотносящееся с ним исследование. Это главным образом определенное отношение к «прошлому», опосредованное тем или иным видом письменного дискурса. Поскольку исторический дискурс находит выражение в специфической форме писания, то необходимо указать на релевантность теории литературы для теории и практики историографии.

Х. Уайт дает краткую характеристику исторического дискурса и присущего ему способа познания. Такая характеристика заключается в указании предпосылок исторического дискурса. Первая предпосылка, причем необходимая предпосылка, – существование прошлого. Познаваемость прошлого доказывается тем, что пишутся работы об истории.

Вторая предпосылка. Исторический дискурс не предполагает, что наше познание истории является результатом какого-то определенного исследовательского метода. Выбираемые в качестве объекта исследования события, люди, структуры и процессы могут исследоваться историческим образом как *прошлые*, только если они становятся предметом специфического исторического писания.

Подобная характеристика исторического дискурса не означает, как подчеркивает Х. Уайт, что прошлые события, личности, институты и процессы не существовали в действительности. Не означает это также и того, что мы не в состоянии обладать более или менее точными сведениями об указанных явлениях. И тем более, это не означает, что такие сведения нельзя превратить в знание посредством методов, применяемых теми или иными «научными» дисциплинами.

Предложенная характеристика призвана указать на то, что имеющаяся у нас информация о прошлом и наше знание о прошлом можно считать «историческим» лишь в том случае, если они становятся темой исторического дискурса.

Исторический дискурс не создает новой информации о прошлом, поскольку он может оформляться только при условии, что

мы обладаем сведениями о прошлом. Нельзя говорить и о том, что исторический дискурс дает новые знания о прошлом, поскольку знание всегда есть результат определенного исследовательского метода. Что же производит исторический дискурс? Ответ Х. Уайта состоит в том, что исторический дискурс дает интерпретации тех сведений и тех знаний, которые имеются в распоряжении историка. А интерпретации могут получать различные формы – от простых хроник до высокоабстрактных «философий истории». Общим для всех таких форм является обращение к нарративной форме изложения, когда наличествует стремление представить явления, с которыми они соотносятся, в качестве специфически «исторических» явлений.

В соответствии с текстуалистской концепцией репрезентации описание представляет собой средство конституировать те или иные положения дел в качестве возможных объектов исторического интереса, а также в качестве кандидатов на включение в число объектов, достойных того, чтобы быть вписанными в исторический дискурс. Если такой дискурс должен облечься в форму повествования, то объекты, подлежащие репрезентации, должны предстать как носители атрибутов историчности и нарративности.

Историчность того или иного объекта устанавливается посредством описания этого объекта в соответствии с правилами установления свидетельств, которые приняты в каком-то конкретном «сообществе историков» определенной эпохи и места.

По-иному обстоит дело с нарративностью. Нет правил повествования подобных правилам установления свидетельств (свидетельствования). Это связано с тем обстоятельством, что повествование требует, чтобы агенты, события, институты и процессы были прежде всего изображены, а не концептуализированы.

Изображение различных сил, событий и сцен в качестве элементов драматических конфликтов и разрешения этих конфликтов – это средство конструирования повествовательных интерпретаций исторических процессов.

Существует различие между изображением и концептуализацией исторических событий и процессов. Однако если рассматривать изображения как операцию, которая производит повествовательную репрезентацию, а концептуализацию – как объяснение в форме доказательства, то очевидно, что концептуализация всегда представляет собой абстракцию от какого-то образа. Когда конструируется какое-то историческое прошлое, то скорее образ предшествует понятию, а не наоборот. В этом, по мнению Х. Уайта,

заключено различие между историей в духе Ранке и философией истории в духе Гегеля.

Логика повествовательной интерпретации мира – будь то мира в его прошлом, будь то в его нынешнем состоянии, будь то в отношении между этими состояниями – это «логика образов и тропов», заключает Х. Уайт.

Итак, метатеоретическую рефлексию по отношению к научно-историографическому познанию уже несколько десятилетий выполняет аналитическая философия истории. Это означает, что по отношению к академической историографии она фактически выступает как философия социальных наук в ее метатеоретической функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия социальных наук, анализу современного состояния которой посвящена работа, – область философских исследований отношений между философией и социально-научным познанием. Были выделены три основные функции философии социальных наук – онтологическая, методологическая и метатеоретическая. Рассмотрение этих функций определило и направление анализа, и структуру работы.

Философия социальных наук в ее современном состоянии связана прежде всего с онтологической проблематикой; с проблематикой социальной агентности, индивидуальной и коллективной; с разработкой адекватного метода постижения социальной реальности; с вопросами философского анализа и обоснования социально-научных теорий как результата исследовательской практики социальных наук.

При разработке социально-онтологической проблематики и в генетической, и в структурной перспективе основной упор делается, как показывает анализ, на созидательном потенциале человека. В связи с этим резюмируем в общих чертах то понимание социального агента, которое, очевидно, преобладает в современной философской литературе. Социальный агент – это телесно-эмоциональный и рефлектирующий индивид, действующий в исторически и социально конкретных, ограниченных и даже случайных жизненных и социальных условиях. Несмотря на осуществляемую им потенциально свободно организацию происходящего, он остается обусловленным происходящим. Человек способен созидать общество и историю, способен постоянно продуцировать новые

формы своего существования. Эти же формы оказывают обратное формирующее воздействие на человека. Место и время исторического существования и действия определяет, каков тот или иной индивидуальный человек.

При обращении к методологической функции философии социальных наук объектом рассмотрения стали предельно общие проблемы, образующие своего рода теоретико-методологический каркас социально-научного познания. Вне сферы внимания остались методы конкретных эмпирических исследований, техник наблюдения и измерения, способы тестирования и т.п. Значительное разнообразие таких методов определяется, как известно, не только разнообразием исследуемых объектов, но и приверженностью различным теоретическим парадигмам и традициям. А такие парадигмы и традиции в той или иной форме присутствуют в конкретных исследованиях, даже если заявляется об их отсутствии или об отказе от них. Таким образом, общие методологические проблемы имеют отношение не только к теоретическому, в узком смысле, но и к конкретно-эмпирическому, социально-научному познанию, по меньшей мере в опосредованной форме.

В работе анализировались современные концепции, специально посвященные метатеоретической проблематике социально-научного знания. Философия социальных наук в ее метатеоретической функции предстает в виде метатеоретического анализа исследовательских результатов и теорий в различных социально-научных дисциплинах. Более того, она способна взять на себя функцию компаративистского междисциплинарного анализа таких результатов и теорий. При подобном видении философии социальных наук она выступает фактически как некое сведение воедино, как синтез того, что предпринимается в плане метатеоретической рефлексии в рамках самих социальных наук.

Таким образом, в данной работе были рассмотрены основные направления работы современной философии социальных наук. Традиционно в философии социальных наук значительную роль играли вопросы ценностной и мировоззренческой ориентации исследователя и соответствующих содержаний в теоретической продукции. В настоящее время внимание к ценностно-мировоззренческой проблематике заметно снизилось. Связано это прежде всего с ослаблением роли и значения социальной критики в социально-научном познании. Разумеется, эта проблематика не исчезает полностью. Нейтрализуется ее острота, и она вытесняется на периферию метатеоретической и методологической проблематики

социально-научного познания. Это обстоятельство следует считать весьма важной характеристикой современной философии социальных наук.

В целом философия социальных наук остается актуальной областью философских исследований, востребованной как средство осмысления практики и результатов социально-научного познания.

Литература

1. Анкерсмит. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004.
3. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет, 2000.
6. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. – М.: Логос, 2003.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир. – М.: Весь мир, 2004.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика: общество и культура. – М.: ГУ–ВШЭ, 2000.
9. Кимелев Ю.А. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса в освещении западных социологов // Современная западная теоретическая социология / РАН. ИНИОН. – М., 1992. – Вып. 1: Юрген Хабермас.
10. Кимелев Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории: Антология / Сост., ред. Кимелев Ю.А. – М.: Аспект-пресс, 1995. – С. 3–29.
11. Кимелев Ю.А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии / РАН. ИНИОН. – М., 2006.
12. Кимелев Ю.А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI вв. / РАН. ИНИОН – М., 2007.
13. Кимелев Ю.А. Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв. / РАН. ИНИОН. – М., 2009.
14. Кимелев Ю.А. Современная испанская философия / РАН. ИНИОН. – М., 2010.
15. Кимелев Ю.А. Методология социальных наук: Современные дискуссии / РАН. ИНИОН. – М., 2011.
16. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна / РАН. ИНИОН. – М., 1996.
17. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия и наука. От Анаксимандра до Коперника. – М.: РУДН, 2009.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.; СПб: Алетейя, 1998.

19. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004.
20. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1.
21. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
22. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практикс, 2002. – Ч. 1.
23. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Прогресс, 2004.
24. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – М.: Практикс, 2004.
25. Abrams Ph. Historical sociology. – Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 1993.
26. Acham K. Philosophie der Sozialwissenschaften. – Freiburg;München: Karl Alber, 1983.
27. Alexander J.C. Sociological theory since 1945. – L.: Hutchinson, 1987.
28. Alexander J.C., Giesen B. From reduction to linkage: the long view of the micro-macro link // The micro-macro link / Ed. by Alexander J.C., Giesen B., Münch R., Smelser N.J. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1987. – P. 1–44.
29. Alvera R., Spang K. Humanidades para el siglo XXI. – Navarra: EUNSA, 2006.
30. Andrieu B. La neurophilosophie. – P.: Presses univ. de France, 1998.
31. Angehrn E. Geschichtsphilosophie. – Stuttgart: Kohlhammer, 1991.
32. Balog A. Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. – Stuttgart: Lucius und Lucius, 2001.
33. Baudrillard J. L'illusion de la fin ou La grève des événements. – P.: Galilee, 1992.
34. Baumgartner H.M. Philosophie der Geschichte nach dem Ende der Geschichtsphilosophie. Bemerkungen zum gegenwärtigen Stand des geschichtsphilosophischen Denkens // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 151–172.
35. Bhaskar R. Scientific realism and human emancipation. – Hassocks: Harvester press, 1986.
36. Braybrooke D. Philosophy of social science. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1991.
37. Brauer D. Rememoración y verdad en la narración historiográfica // La comprensión del pasado: Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (comps). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 13–39.
38. La comprensión del pasado: Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (comps). – Barcelona: Herder, 2005.
39. Cruz M., Cuartango R. Filosofía de la historia al final del siglo XX: una experiencia racional transformada // El legado filosófico y científico del siglo XX. – Madrid: Ediciones Cátedra, 2007. – P. 617–632.
40. Danto A.C. Niedergang und Ende der analytischen Geschichtsphilosophie // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 126–147.

41. *Di Lucia P.* *Ontologia sociale.* – Macerata: Quodlibet, 2003.
42. *Ferrarotti F.* *L'ultima lezione. Critica della sociologia contemporanea.* – Roma; Bari: Editori Laterza, 1999.
43. *Giddens A.* *The consequences of modernity.* – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1990.
44. *Giddens A.* *Modernity and self-identity.* – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1991.
45. *Habermas J.* *Theorie des Kommunikativen Handelns.* – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997. – Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung.
46. *Habermas J.* *Theorie des Kommunikativen Handelns.* – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997. – Bd. 2: Zur Kritik der funktionalischen Vernunft.
47. *Hacia dónde va el pasado. El porvenir de la memoria en el mundo contemporáneo / Cruz M. (comp.).* – Barcelona : Paidós, 2002.
48. *Hollis M.* *The philosophy of the social sciences.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994.
49. *Hollis M.* *Philosophy of social science // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by Bunnin N. and Tsui-James E.P.* – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 375–402.
50. *Johansson I.* *Ontological investigations.* – L.; N.Y.: Routledge, 1989.
51. *Mann M.* *Societies as organized power networks.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760.
52. *Maurer R.* *Die Unmöglichkeit einer transzendentalen Begründung der Gesellschaft // Kant oder Hegel / Hrsg. von Henrich D.* – Stuttgart: Ernst Klett, 1983. – S. 519–530.
53. *Mittelstrass B.J.* *Die Häuser des Wissens.* – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1998.
54. *Münch R., Smelser N.J.* *Relating the micro and macro // The micro-macro link / Ed. by Alexander J.C., Giesen B., Münch K., Smelser N.J.* – Berkeley; L.A.: Univ. of California press, 1987. – P. 356–388.
55. *Nagl-Docekal H.* *Ist Geschichtsphilosophie heute noch möglich? // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.).* – Frankfurt a. M. : Fischer, 1996. – S. 7–63.
56. *Pompa L.* *Philosophy of history // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by Bunnin N., Tsui-James E.P.* – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 428–452.
57. *Readings in globalization / Ed. by Ritzer G., Atalay Z.* – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
58. *Robertson R.* *Globalization: Social theory and global culture.* – L.: Polity, 2004.
59. *Rohbeck J.* *Technik – Kultur – Geschichte.* – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000.
60. *Rosenberg A.* *Philosophy of social science.* – Oxford: Clarendon press, 1988.
61. *Ruben D.-H.* *The metaphysics of the social world.* – L.: Routledge, 1985.
62. *Rumpel R.* *Geschichte, Freiheit und Struktur.* – München: Alber, 1990.
63. *Runciman W.G.* *A treatise on social theory.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – Vol. 1: The methodology of social theory.
64. *Runciman W.G.* *The social animal.* – Ann Arbor: The univ. of Michigan press, 2000.

65. *Rüsen J.* Geschichtsdenken im interkulturellen Diskurs // Westliches Geschichtsdenken: Ein interkulturelle Debatte / Hrsg. von Rüsen J. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1999. – S. 13–30.
66. *Schnädelbach H.* «Sinn» in der Geschichte? – Über Grenzen des Historismus // Schnädelbach H. Philosophie in der modernen Kultur. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000. – S. 127–149.
67. *Scocpol Th.* Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology // Vision and method in historical sociology / Ed. by Scocpol Th. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1991. – P. 356–391.
68. *Searle J.R.* Mind, language and society. – L.: Basic books, 1999.
69. *Searle J.R.* Making the social world. – N.Y.: Oxford univ. press, 2010.
70. *Sibilia P.* El hombre postorganico. Cuerpo, subjetividad y tecnologías digitales. – Buenos Aires: Fondo de cultura ecomica, 2005.
71. Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996.
72. *Smelser H.J.* Comparative methods in the social sciences. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
73. *Smith D.* The rise of historical sociology. – Philadelphia: Temple univ. press, 1991.
74. *Touraine A.* Critique de la modernité. – P.: Fayard, 1998.
75. *Tomlinson G.* Globalization and culture. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1999.
76. *Urry G.* Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. – L.; N.Y.: Routledge, 2000.
77. Vision and method in historical sociology / Ed. by Scocpol Th. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1991.
78. *Waters M.* Globalization. – L.; N.Y.: Routledge, 1996.
79. Westliches Geschichtsdenken: Ein interkulturelle Debatte / Hrsg. von Rüsen J. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1999.
80. *White H.* Literaturtheorie und Geschichtsschreibung // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Nagl-Docekal H. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1996. – S. 67–106.
81. *White H.* Construcción historica // La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia / Cruz M., Brauer D. (comps.). – Barcelona: Herder, 2005. – P. 43–58.

Ю.А. Кимелев

**ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Д.С. Склянкина

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 6/VI – 2013 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 5,5 Уч.-изд. л. 5,0

Тираж 300 экз. Заказ № 80

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел/Факс (499) 120-45-14

Е-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9